

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 3 2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Издатель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета

И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, проректор Башкирского государственного университета по учебно-методической работе (Уфа).

Члены редакционного совета:

Абашидзе Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Москва);

Г.М. Азнагулова

доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва);

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Ф.Г. Аминев

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Башкирского государственного университета (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гизатуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, директор Института права Башкирского государственного университета (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа);

Л. Кристоф

доктор права, профессор Университета Перпеньян (Франция);

О.М. Крылов

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права Башкирского государственного университета (Уфа);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Башкирского государственного университета (Уфа);

В.П. Сальников

доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность» (Санкт-Петербург);

Н.А. Саттарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции, Казанский институт (Казань);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Башкирского государственного университета (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Башкирского государственного университета (Уфа);

Р.Г. Юсупов

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Башкирского государственного университета (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Башкирского государственного университета (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, заведующий кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор

О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов

Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений.

Технический редактор

А.В. Бабенкова

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ: Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бредихин А.Л.

«Культурно-воспитательная функция государства»: эволюция смысла9

Воронцова Н.Л.

К вопросу об обеспечении эффективности правотворчества органов
публичной власти.....15

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Бойко Н.Н.

Актуальные вопросы взаимодействия органов публичной власти
в финансовой сфере21

Курилюк Ю.Е.

О проблемах определения местного самоуправления и его полномочий
в единой системе публичной власти29

Усманова Р.М.

К вопросу об организации публичной власти на федеральной
территории «Сириус»36

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Королёва А.Н.

Правовые аспекты трансформации стратегического планирования в условиях
нового технологического уклада и формирования рынков национальной
технологической инициативы42

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Удальцова Н.В.

Правовые последствия цифровизации трудовых отношений:
новации и их оценка50

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лифанова М.В.

Семья как объект криминологического исследования.....55

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Исаев Ф.Р.

Примирение сторон по уголовному делу в дореволюционный период истории России61

Тарасов А.А.

Профессор Заршат Давлетшинович Еникеев об истине как цели доказывания в уголовном процессе67

Халиков А.Н., Хатыпов Р.Н.

Оглашение в суде показаний, полученных на стадии предварительного расследования72

Шарипова А.Р.

Индивидуализация применения мер пресечения: старые проблемы и новые аналогии.....79

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Демидова Т.К., Тулупова Е.О., Хоменко В.Д.

Миссии ОБСЕ как средство предупреждения конфликтов и урегулирования кризисных ситуаций (на примере Миссии ОБСЕ в Косово).....85

РЕЦЕНЗИИ

Байкеева С.Е.

Рецензия на монографию А.Л. Бредихина «Суверенитет как политико-правовой феномен» (Москва : ИНФРА-М, 2020. – 128 с.).....91

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 3 (15)

2022

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Bashkir State University»

Publisher

FSFEI HE «Bashkir State University»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Central Election Commission Chairman, Bashkir State University (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Vice-Rector for Academic Work, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Bashkir State University (Ufa).

Editorial council members:

A.Kh. Abashidze

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

G.M. Aznagulova

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, (Moscow);

S.Zh.Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

F.G. Aminev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Bashkir State University (Ufa);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R. Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Institute of Law Bashkir State University (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure (Ufa);

Christophe Leroy

Doctor of Law, Professor, Université de Perpignan (France);

O.M. Krilov

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of State Law (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law and International Relations Bashkir State University (Ufa);

V.P. Salnikov

Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and the Present», (Saint Petersburg);

N.A. Sattarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law, Russian State University of Justice, Kazan Institute (Kazan);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Bashkir State University (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Bashkir State University (Ufa);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Bashkir State University (Ufa);

R.G. Yusupov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Chair of State Law Bashkir State University (Ufa);

Z.A. Yusupova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations Bashkir State University (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief****Farit Kh. Galiev**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Bredikhin A.L.

«Cultural and Educational Function of the State»: Evolution of Meaning9

Vorontsova N.L.

On Ensuring the Law-Making Effectiveness by Public Authorities.....15

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Boyko N.N.

Topical Issues of Public Authorities' Interaction in the Financial Sphere21

Kurilyuk J.E.

On the Problems of Determining Local Self-Government and Its Powers
in a Unified System of Public Authority.....29

Usmanova R.M.

On the Organization of Public Authority in the Federal Territory «Sirius»36

CIVIL LAW, FAMILY LAW, BUSINESS LAW, PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Koroleva A.N.

Legal Aspects of Strategic Planning Transformation in the Context of a New
Technological Order and Formation of National Technological Initiative Markets42

LABOUR LAW; SOCIAL WELFARE LAW

Udaltsova N.V.

Legal Effect of the Digitalization of Labor Relations: Innovations and
Their Evaluation50

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Lifanova M.V.

Family as an Object of Criminological Research.....55

CRIMINAL PROCEEDING

Isaev F.R.

Conciliation of Parties in a Criminal Case in the Pre-Revolutionary Period
of the Russian History61

Tarasov A.A.

Professor Zarshat Davletshinovich Enikeev about truth as a goal of proof
in criminal procedure.....67

Khalikov A.N., Khatypov R.N.

Disclosure of Evidence in Court Obtained at the Stage of Preliminary Investigation72

Sharipova A.R.

Individualization of the Preventive Measures Application: Old Problems and
New Analogies79

INTERNATIONAL LAW

Demidova T.K., Tulupova E.O., Khomenko V.D.

OSCE Missions as a Tool for Conflict Prevention and Crisis Management
(on the Example of the OSCE Mission in Kosovo)85

REVIEWS

Baykeeva S.E.

Review of A.L. Bredikhin's monograph «Sovereignty as a Political and
Legal Phenomenon» (Moscow : INFRA-M, 2020. – 128 p.).....91

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.1

Бредихин Алексей Леонидович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
axel_b@mail.ru

«КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА»: ЭВОЛЮЦИЯ СМЫСЛА

Аннотация. В статье анализируются понятие, значение и эволюция термина «культурно-воспитательная функция государства». Обращается внимание на то, что он появился в советской юриспруденции в трудах ученых-правоведов – родоначальников теории функций Советского государства. Автор выражает мысль, что культурно-воспитательная функция изначально включала в себя и идеологическую функцию. В настоящее время идеологическая функция получила самостоятельное значение, а культурно-воспитательная функция приобрела несколько иной смысл.

Ключевые слова: государство, функции государства, культурно-воспитательная функция, идеологическая функция, советская правовая наука

Для цитирования: Бредихин А.Л. «Культурно-воспитательная функция государства»: эволюция смысла / А.Л. Бредихин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 9–14. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.1.

Bredikhin Alexey Leonidovich

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

«CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF THE STATE»: EVOLUTION OF MEANING

Abstract. In this article, the author analyzes the concept, the meaning and the evolution of the term «cultural and educational function of the state». The author pays his attention on the fact that the term originally appeared in Soviet jurisprudence in the works of legal scholars that became the founders of the theory of the Soviet state functions. The author expresses the idea that the cultural and educational function originally included an ideological function. At present, the ideological function has become independent and the cultural and educational function has acquired a somewhat different meaning.

Keywords: state, state functions, cultural and educational function, ideological function, Soviet legal science

For citation: Bredikhin A.L. «Cultural and Educational Function of the State»: Evolution of Meaning. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 9–14. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.1 (In Russian).

В советской правовой науке функции государства анализировались в понимании конкретного – советского – типа государства, а не государства вообще. В дореволюционной, а также в зарубежной правовой литературе функции государства понимались в значении его ветвей власти: законодательная, исполнительная и судебная деятельность государства, а советская юридическая литература превратила названные виды в формы осуществления функций государства. Сами же функции государства обрели более глобальный и широкий смысл.

Существенный вклад в разработку теории функций государства внес видный ученый А.И. Денисов. В своей работе «Советское государственное право» (1940) он выделил четыре основные функции социалистического государства: 1) подавления эксплуататоров; 2) обороны страны от нападения извне; 3) хозяйственно-организаторская; 4) культурно-воспитательная [1, с. 65]. Позже, в курсе лекций «Основы марксистско-ленинской теории государства и права» (1948), А.И. Денисов предложил понимать функцию государства как такое направление его деятельности, в котором непосредствен-

но отражается природа государства и которое характеризует всю работу его органов, в какой бы форме она ни выражалась – законодательной, исполнительной, судебной, военной и т. п. [2, с. 131].

Одним из первых опытов концептуального обозначения функций государства стал учебник по теории государства и права, написанный С.А. Голунским и М.С. Строговичем. В главе «Функции государства и формы их осуществления» авторы определили функции государства как «основные стороны деятельности государства, направленной на разрешение тех задач, которые ставит перед ним господствующий класс и к достижению которых приравнивается все устройство государства» [3, с. 51]. Перечень же функций давался примерно тот же.

На базе названных научных работ и иных работ ученых того времени начинает формироваться теория функций государства, которая сохранила свою основу и значение до сих пор, но уже в новой, демократической, системе.

Перечень функций государства и их смысл не всегда совпадали в понимании тех или иных исследователей, но обращает на себя внимание то, что культурно-воспитательная функция называлась практически всегда. Причем использовалась она в связке с хозяйственно-организаторской, подчеркивалась их неразрывная связь.

Что же представляет собой культурно-воспитательная функция? М.И. Байтин писал, что построение социализма предполагает «не только создание его материально-технической базы, но и соответствующее преобразование духовной жизни общества, глубокие изменения в сознании, в психологии народных масс, их перевоспитание в социалистическом духе» [4, с. 243]. Он считал культурно-воспитательную функцию одной из главных среди основных функций социалистического государства. Обосновывая преимущества социалистического государства, М.И. Байтин делал акцент на преодолении культурной отсталости страны, существенном повышении образованности народных масс, развитии литературы и искусства и т. п. При этом он считал, что большое значение приобретает такой компонент, как «наступательное разоблачение антикоммунизма», противодействие проникновению буржуазной идеологии, «воспитание масс трудящихся в духе коммунистической идейности, верности учению марксизма-ленинизма» [4, с. 245], особенно в первые послереволюционные годы.

Очевидно, что и культурные, и воспитательные компоненты ученый выделил, но обозначил и чисто идеологические, связанные с борьбой против буржуазной идеологии и воспитанием коммунистической идейности.

Для периода «социалистического общенародного государства», провозглашенного в 1970-х годах, М.И. Байтин также обозначил культурно-

воспитательную функцию в качестве одной из основных, но дал немного другое понимание. Ее содержание он видел в идейно-политическом и трудовом воспитании людей, формировании нового человека – достойного строителя коммунизма, дальнейшем развитии народного образования, науки и культуры [4, с. 270]. То есть акцент делался на идеологическом компоненте, а культура и воспитание выделялись уже менее актуальными. Возможно, это связано с признанием решения задач государства в этой сфере.

Надо сказать, что в идеализированном Советском государстве не выделялась в качестве самостоятельной идеологическая функция государства, хотя очевидно, что она во многом поглощала содержание культурно-воспитательной функции. При этом очевидно, что идеологическая деятельность намного шире по содержанию, чем воспитательная.

Среди авторов, внесших значительный вклад в развитие теории функций социалистического государства, следует назвать и Н.В. Черноголовкина, посвятившего данной теме докторскую диссертацию и опубликовавшего в 1970 г. монографию [5]. В целом все названные авторы в одинаковом ключе понимали суть культурно-воспитательной функции.

С прекращением существования Советского Союза правовая система и правовая доктрина вынужденно стали приспосабливаться к новой действительности. Выработанные в марксистско-ленинском мировоззрении теории и концепции стали приобретать новое значение и толкование, что не всегда было удачным.

Тем не менее категория функций государства сохранилась, но уже в новом виде. Прежде всего, появилась самостоятельная «идеологическая функция государства», во многом заменяющая культурно-воспитательную. Этой теме были посвящены как журнальные научные публикации, так и диссертационные исследования.

Анализ дальнейших научных публикаций и исследований выявил имеющийся интерес к культурно-воспитательной функции. Так, в 2017 г. Е.С. Горбатовская подготовила диссертационное исследование «Культурно-воспитательная функция современного российского государства». По ее мнению, «культурно-воспитательная функция включает в себя деятельность государства в сфере культуры и воспитания, осуществляемую с целью обеспечения культурных прав и свобод, развития культурного потенциала страны, сохранения культурного наследия, самобытности и накопленных знаний, их трансляции последующим поколениям, а также воспитания личности и общества» [6, с. 25].

Как видим, в работе Е.С. Горбатовской акцент справедливо смещен с идеологического компонента на непосредственно культурный, однако теперь воспитательный компонент уже видится условно связанным с культур-

ным. Впрочем, в качестве неправовых форм осуществления культурно-воспитательной деятельности автор видит идеологическую деятельность (проведение воспитательной работы, распространение культурных ценностей, уважение к закону и т. д.) [7, с. 11]. Полагаем, что использование термина «идеологическая» не совсем точно отражает суть такой деятельности, поэтому культурно-воспитательная функция в приведенном значении явно самостоятельна по отношению к идеологической, а точки их соприкосновения фрагментарны.

Главное отличие современных трактовок идеологической и культурно-воспитательной функций заключается в целях их реализации. Идеологическая функция служит интересам власти, даже если и использует культуру, образование и воспитание, а культурно-воспитательная преследует цель поддержания определенного культурного уровня общества и его развития, передачу накопленного цивилизационного опыта, знаний и ценностей.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что культурно-воспитательная функция в советской науке появилась в теории функций государства и больше соответствовала названию идеологической. Современное понимание этого термина отличается от изначального его смысла, что нарушает некоторую целостность и преемственность теории функций государства.

Список источников

1. Денисов А.И. Советское государство и право / А.И. Денисов. – Москва : Юриздат, 1940. – 336 с.
2. Денисов А.И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права : курс лекций / А.И. Денисов. – Москва : Изд-во Высш. парт. шк. при ЦК ВКП (б), 1948. – 470 с.
3. Голунский С.А. Теория государства и права / С.А. Голунский, М.С. Строгович. – Москва : Юриздат, 1940. – 304 с.
4. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства / М.И. Байтин. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1979. – 302 с.
5. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства / Н.В. Черноголовкин. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 215 с.
6. Горбатовская Е.С. О содержании культурно-воспитательной функции государства / Е.С. Горбатовская // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9. – С. 25–35.
7. Горбатовская Е.С. Культурно-воспитательная функция современного российского государства : 12.00.01 / Е.С. Горбатовская : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 28 с.

References

1. Denisov A.I. Soviet State and Law. Moscow, Yurizdat Publ., 1940. 336 p.
2. Denisov A.I. Basics of Marxist-Leninist Theory of State and Law: Course of Lectures. Moscow, Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Publ., 1948. 470 p.
3. Golunsky S.A., Strogovich M.S. Theory of State and Law. Moscow, Yurizdat Publ., 1940. 304 p.
4. Baitin M.I. Essence and Basic Functions of the Socialist State. Saratov State University, 1979. 302 p.
5. Chernogolovkin N.V. Theory of the Functions of the Socialist State. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1970. 215 p.
6. Gorbatovskaya E.S. The Content of the Cultural and Educational Function of the State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 9, pp. 25–35. (In Russian).
7. Gorbatovskaya E.S. Cultural and Educational Function of the Modern Russian State. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2017. 28 p.

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права Санкт-
Петербургского университета
МВД России

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich –
*Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of History of
State and Law, Saint Petersburg
University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation*

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.07.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.07.2022.

Научная статья

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.2

Воронцова Наталья Леонидовна

Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия,
Natalia-Vorontsova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты эффективности правотворчества. Показано место правотворчества в процессе правового воздействия. Выделяются способы повышения эффективности правотворчества органов публичной власти. Особое внимание уделено повышению эффективности правотворчества на этапе обнаружения признаков проблемной ситуации и ее анализу.

Ключевые слова: правовое регулирование, правотворчество, эффективность правотворчества, стратегическое планирование, правовой консалтинг

Для цитирования: Воронцова Н.Л. К вопросу об обеспечении эффективности правотворчества органов публичной власти / Н.Л. Воронцова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 15–20. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.2.

Original article

Vorontsova Natalya Leonidovna

Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, Natalia-Vorontsova@yandex.ru

ON ENSURING THE LAW-MAKING EFFECTIVENESS BY PUBLIC AUTHORITIES

Abstract. The article raises the theoretical and practical aspects of law-making effectiveness. The place of law-making in the process of legal influence is shown. The ways of increasing the law-making efficiency of public authorities are

highlighted. Special attention is paid to increasing the law-making effectiveness at the stage of detection a problem situation and its analysis.

Keywords: legal regulation, law-making, law-making effectiveness, strategic planning, legal consult

For citation: Vorontsova N.L. On Ensuring the Law-Making Effectiveness by Public Authorities. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2022, no. 3, pp. 15–20. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.2 (In Russian).

Вопросу эффективности правотворчества уделяется достаточно пристальное внимание в современной научной мысли. Важно отметить многовариантность подходов к данной проблеме. Научные разработки касаются как теоретического аспекта вопроса (понятие, соотношение со смежными понятиями, критерии оценки), так и путей повышения эффективности правотворчества, методик ее оценки.

Эффективность представляет собой одну из актуальных проблем теории права. Этот термин применяется к таким процессам, как правотворчество, реализация права, правоприменение. Согласимся с позицией, согласно которой правотворчество является составной частью более широкого понятия «правовое регулирование», представляющего, в свою очередь, элемент правового воздействия. Правовое воздействие предполагает воздействие на сознание и поведение социальных субъектов, на социальные отношения и процессы, а также воздействие права на нормативный компонент социальной действительности [1, с. 29].

При этом следует отметить различие подходов к соотношению понятий «правотворчество» и «правовое регулирование» в отечественной науке. Так, по мнению С.С. Алексеева и Л.С. Явича, правотворчество предшествует правовому регулированию и поэтому не может быть включено в процесс правового регулирования [2, с. 306; 3, с. 204].

Объектом правотворчества органов публичной власти являются нормы права. В результате правотворчества создаются различные нормативные правовые акты и иные формы права. В условиях отечественной правовой системы на первое место выходит вопрос эффективности нормативных правовых актов.

Наиболее популярной в современной отечественной науке является трактовка эффективности норм права через ее связь с процессом управления [4, с. 34]. Эффективность правотворчества органов власти может быть оценена на основании различных подходов: целевого, процедурного, социального, экономического [5, с. 44].

По мнению С.А. Воробьевой, изучение собственно правовых норм, их признаков и условий создания, то есть правовых норм в статичном состоянии, оказалось сдерживающим фактором при анализе эффективности правовых норм [6, с. 98], исходя из чего эффективность правотворчества, по нашему убеждению, зависит от методов правотворчества, направленных на достижение его целей. Предлагаемый широкий подход к рассмотрению методов правового регулирования как формально-юридическое отражение предмета регулирования нуждается в конкретизации с использованием разработок юридической техники.

Таким образом, методы правотворчества – это система приемов и способов, которые направлены на достижение целей правотворчества. В процедурном плане эти приемы и способы должны быть соотнесены со стадиями правотворчества.

Особую важность имеет обнаружение признаков проблемной ситуации, сбор информации по ней, анализ проблемной ситуации на основе собранной информации, принятие решения о разработке правового документа [7, с. 38].

В условиях отсутствия в Российской Федерации закона о нормативных правовых актах интересен опыт правовой регламентации вопроса планирования, имеющийся в Республике Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»¹ планирование является составной частью принципа научности (п. 7 ст. 6) и первой стадией нормотворческого процесса, что следует из определения понятия «нормотворческая деятельность» (п. 9 ст. 2).

Действующий Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² не регламентирует непосредственный процесс планирования и реализации правотворческого процесса в России. В Российской Федерации на данный момент действует ряд стратегий, среди которых Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г., Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Думается, что особую роль в оценке ситуации с целью дальнейшего планирования может играть метод (методика) SWOT-анализа. Он показывает свою состоятельность и важность в качестве метода стратегического планирования в управлении предприятиями и позволяет выработать стратегию

¹ О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

² Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

дальнейшего их развития. Отметим, что данный метод не нашел широкого применения в правотворчестве.

В качестве примера использования SWOT-анализа в правотворчестве можно привести его применение в ходе разработки Концепции образования детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве Санкт-Петербурга¹. В приложении 3 к указанному документу приводится SWOT-анализ факторов внешней и внутренней среды, влияющих на развитие системы образования детей с ОВЗ в данном субъекте. Этот анализ позволил выделить основные благоприятные возможности и потенциальные угрозы, преимущества и недостатки, содержащиеся как во внешней, так и во внутренней среде Санкт-Петербурга, для включения лиц с ОВЗ в образовательный процесс. Стратегический анализ факторов был проведен Санкт-Петербургской академией постдипломного педагогического образования. Налицо реализация принципа научности правотворческой деятельности.

Признание роли квалифицированных экспертов и специалистов в правотворчестве обусловило появление понятия «правотворческий консалтинг». Его цель – разработка концепций нормативных правовых актов, оценка эффективности действия норм, выявление рисков, связанных с новыми правовыми решениями, построение юридических прогнозов.

Зародившись сначала в рамках теории управления и экономической науки, термин «консалтинг» был впоследствии рассмотрен в социологической науке. В своей статье П.Н. Хромушин аргументирует возможность включения указанного понятия в понятийно-категориальный аппарат юридической науки в связи с «содержательными свойствами и практическим присутствием данного явления в правовой действительности» [8, с. 436].

Ведущее значение процесса стратегического планирования правотворчества заключено в обеспечении правильного соотношения разрабатываемого нормативно-правового акта с действующими актами и определении актов, необходимость разработки которых возникает.

Наряду со стратегическим планированием в целях обеспечения эффективности правотворчества следует выделить и иные важные механизмы, среди которых проведение правового эксперимента, правовой мониторинг. Эксперимент позволяет государству увидеть эффективность действия определенных нововведений на территории Российской Федерации в пробном формате. Внедрение новых правовых актов или правовых норм в социальных условиях практически невозможно без их тщательной и детальной экс-

¹ Об утверждении Концепции образования детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве Санкт-Петербурга : распоряжение Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга от 05.05.2012 №1263-р [Электронный ресурс]. URL: <http://k-obr.spb.ru> (дата обращения: 19.05.2022).

периментальной проверки. В свою очередь, правовой мониторинг позволяет оценить результативность правового регулирования.

Важным условием обеспечения эффективности правотворчества также выступает соблюдение правил юридической техники и использование средств и приемов, выработанных наукой.

Список источников

1. Осипов М.Ю. Правовые процессы и их эффективность / М.Ю. Осипов. Москва, 2017. – 350 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. – Москва : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 359 с.
3. Явич Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Ленинград, 1976. – 287 с.
4. Черногор Н.Н. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило. – Москва : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ООО Юридическая фирма «Контракт», 2018. – 144 с.
5. Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества / М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 43–53.
6. Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.А. Воробьева. – Омск, 2014. – 225 с.
7. Москалькова Т.Н. Нормотворчество : научно-практическое пособие / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. – Москва : Проспект, 2011. – 446 с.
8. Хромушин П.Н. Понятие и сущность правового консалтинга как теоретико-прикладного явления правовой действительности / П.Н. Хромушин // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 436–438.

References

1. Osipov M.Yu. Legal Processes and Their Effectiveness. Moscow, 2017. 350 p.
2. Alekseev S.S. General Theory of Law. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. Vol. 1. 359 p.
3. Yavich L.S. General Theory of Law. Leningrad, 1976. 287 p.
4. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Actual Problems of Law-Making: Study Guide. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Kontrakt Publ., 2018. 144 p.

5. Zaloilo M.V. The Effectiveness of Law-Making through Strategic Planning. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 4, pp. 43–53. (In Russian).

6. Vorobieva S.A. The Quality of the Law and Its Role in Ensuring Human Rights (Theoretical and Legal Aspect). Cand. Diss. Omsk, 2014. 225 p.

7. Moskalkova T.N., Chernikov V.V. Rulemaking: Scientific and Practical Guide. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 446 p.

8. Khromushin P.N. The Concept and Essence of Legal Consult as a Theoretical and Applied Phenomenon of Legal Reality. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2008, no. 2, pp. 436–438. (In Russian).

Информация об авторе

Воронцова Наталья Леонидовна –
кандидат юридических наук,
доцент Башкирской академии
государственной службы и
управления при Главе Республики
Башкортостан

Information about the Author

Vorontsova Natalya Leonidovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Bashkir Academy of
Public Service and Administration
under the Head of the Republic of
Bashkortostan

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья

УДК 347.73

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.3

Бойко Наталья Николаевна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Стерлитамак, Россия, amulet-str@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в финансовой сфере. Обосновывается, что взаимодействие различных уровней власти происходит на основе взаимовыгодного сотрудничества в интересах граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: органы публичной власти, государство, местное самоуправление, взаимодействие, финансовая сфера, финансовые отношения, бюджет, финансовая самостоятельность

Для цитирования: Бойко Н.Н. Актуальные вопросы взаимодействия органов публичной власти в финансовой сфере / Н.Н. Бойко // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 21–28. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.3.

Boyko Natalia Nikolaevna

Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia,
amulet-str@yandex.ru

TOPICAL ISSUES OF PUBLIC AUTHORITIES' INTERACTION IN THE FINANCIAL SPHERE

Abstract. In the article, the author examines topical issues of interaction between state authorities and local self-government in the financial sphere. It is proved that the interaction of various levels of government takes place on the basis of mutually beneficial cooperation in the interests of citizens of the Russian Federation.

Keywords: public authorities, state, local self-government, interaction, financial sphere, financial relations, budget, financial independence

For citation: Boyko N.N. Topical Issues of Public Authorities' Interaction in the Financial Sphere. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 21–28. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.3 (In Russian).

Конституция РФ в качестве источника власти определяет многонациональный народ, реализующий свои властные полномочия через органы публичной власти, к которым относятся как органы государственной власти, так и органы местного самоуправления. При решении государственных задач, направленных на создание достойных условий для жизни граждан, обеспечение и защиту их прав и свобод, органы власти неизбежно взаимодействуют между собой.

Взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления строятся по различным направлениям и представляют собой механизм взаимодействия, предполагающий двустороннее воздействие друг на друга. Ответственность за принимаемые решения органами публичной власти при этом должна носить взаимный характер. Следует признать, что органам местного самоуправления предоставлены незначительные полномочия в данном механизме и недостаточно правовых средств для оказания влияния на принятие государством решений по вопросам местного значения [1, с. 47].

Формы взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровня с местным самоуправлением различаются. На федеральном уровне осуществляется правовая регламентация местного са-

моуправления, передача государственных полномочий, заключаются договоры, определяющие особенности взаимодействия. В свою очередь, на региональном уровне принимаются совместные правовые акты, происходит обмен информацией, создаются координационные органы (постоянного и временного характера), разрабатываются и реализуются региональные программы развития [2, с. 245].

Стоит отметить, что взаимоотношения между органами публичной власти оказывают прямое влияние на развитие государства и местного самоуправления, а их характер определяется сущностными признаками. Местное самоуправление характеризуется самостоятельностью при принятии решений по вопросам местного значения, что также предусматривает ответственность. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает организационно-правовой статус органов местного самоуправления, определяя, что они не являются государственной властью и не входят в систему ее органов. Каждое муниципальное образование принимает свой устав, согласно которому органы местного самоуправления образуются для выполнения административных полномочий, регистрируются и наделяются правами юридического лица.

Среди форм взаимодействия между органами публичной власти можно выделить следующие.

1. Воздействие государственного органа на органы местного самоуправления. Оно осуществляется путем проведения контрольных мероприятий за выполнением предоставленных органам местного самоуправления функций, а также законностью их деятельности; предоставления возможности и условий для развития кадров местного самоуправления; принятия решений о досрочном прекращении полномочий органов местного самоуправления, а также отстранении от должностных обязанностей глав муниципальных образований.

2. Воздействие местного самоуправления на органы государственной власти. Данная форма заключается в возможности предоставления законодательной инициативы в представительный (законодательный) орган государственной власти; обращения с жалобой на государственные органы в контрольно-надзорные инстанции, обжалования принятых органами государственной власти решений и актов.

3. Взаимное воздействие органов государственной власти и органов местного самоуправления друг на друга. Взаимодействие происходит при заключении договоров о проведении совместных работ, направленных на обеспечение интересов населения, а также при осуществлении деятельности совещательных органов [3, с. 63].

Следовательно, можно сказать, что взаимодействие различных уровней власти происходит на основе взаимовыгодного сотрудничества в интересах граждан Российской Федерации.

Важно обратить внимание на то, что общенациональные ценности в настоящее время приобретают особую роль и статус, а повышение качества жизни граждан является основной государственной задачей. Современные политические реалии обусловили необходимость дотационного финансирования местного самоуправления. На региональном уровне происходит централизация доходов, то есть регионы постепенно отказываются от увеличения собственных доходов. Региональные бюджеты централизуются и в дальнейшем распределяются между муниципальными образованиями. Безусловно, финансовое положение бюджетов субъектов Российской Федерации лучше, нежели муниципальных бюджетов, являющихся, как правило, дефицитными [4, с. 23].

Профессор Н.А. Саттарова поднимает проблему финансовой самостоятельности на местном уровне. Она пишет, что «повышение финансовой самостоятельности и расширение налоговых полномочий самоуправления на муниципальном уровне является в современных условиях актуальной проблемой» [5, с. 13]. Для обеспечения финансовой самостоятельности ведущую роль должны играть собственные доходы, под которыми Бюджетный кодекс РФ понимает все налоговые и неналоговые доходы, зачисляемые в бюджет, а также безвозмездные поступления, за исключением субвенций (ст. 47).

Как правило, практически все взаимоотношения в финансовой сфере между органами публичной власти сводятся к особенностям построения бюджетных отношений. Основной массив регулирования финансовых отношений государства и местного самоуправления приходится на федеральное законодательство. Среди наиболее важных можно выделить такие кодифицированные акты, как Налоговый кодекс РФ, определяющий, что законодательство о налогах и сборах состоит из указанного Кодекса и принимаемых на его основе законов, и Бюджетный кодекс РФ, определяющий основные понятия, затрагивающие вопросы бюджетного взаимодействия.

Термин «бюджет» используется в различных значениях: 1) характеристика денежных взаимоотношений; 2) специальный нормативно-правовой акт; 3) фонд денежных средств определенного уровня власти; 4) план доходов и расходов, относящихся к полномочиям органов публичной власти. В субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях бюджет, как правило, понимается как документ, отражающий доходы и расходы.

Некоторые авторы считают, что муниципальная власть практически не может оказывать влияние на доходную часть бюджета. Следовательно,

складывается ситуация, когда субъекты Российской Федерации определяют финансирование для решения местных вопросов, ответственность за которые лежит на муниципальной власти, при этом механизмы справедливого распределения материального обеспечения местного самоуправления не отработаны [6, с. 33]. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время в Российской Федерации уделяется внимание пространственному развитию, благоустройству территории, комплексному развитию городов и других населенных пунктов [7, с. 369].

Принимая во внимание, что основная часть финансирования местного самоуправления осуществляется из бюджетов вышестоящих уровней власти, можно прийти к выводу, что поддержка местного самоуправления выгодна, прежде всего, самому государству, поскольку оно должно обеспечивать необходимый минимум жизнедеятельности граждан. Взаимодействуя с населением непосредственно и представляя его интересы напрямую, органы местного самоуправления более детально ознакомлены с насущными проблемами граждан. При предоставлении необходимого финансового обеспечения органы муниципального образования смогут эффективно решать проблемы населения [8, с. 219].

Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления в финансовой сфере играет важную роль для достижения общезначимых целей государства. Возникающие проблемы должны решаться совместными усилиями, при этом на органах государственной власти лежит ответственность за правовое и финансовое обеспечение муниципальной власти для решения вопросов местного значения.

Итак, финансовые взаимоотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления регулируются нормативно-правовыми актами различного уровня. На сегодняшний день правовое регулирование вопросов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в финансовой сфере весьма обширно, что порождает определенные сложности при применении законодательства, а значит, оно нуждается в дальнейшем совершенствовании. Система финансовых отношений должна быть модернизирована, что сложно осуществить без соответствующего правового регулирования.

Основная часть финансирования местного самоуправления осуществляется из бюджетов вышестоящих уровней власти. Вместе с тем местное самоуправление должно обладать существенной финансовой независимостью при решении вопросов местного характера. Для эффективного удовлетворения интересов населения публичные полномочия должны осуществляться властью, наиболее приближенной к населению, то есть государство должно делегировать определенные компетенции местным органам власти, но при

условии их соответствующего материального обеспечения. При предоставлении необходимой финансовой помощи органы муниципального образования смогут эффективно решать проблемы населения.

Список источников

1. Алиханов М.М. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления: теория и современная практика / М.М. Алиханов, В.В. Алексенко // Методы науки. – 2017. – № 3 (4). – С. 47–50.
2. Павлов Н.В. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти / Н.В. Павлов, А.С. Пенькова // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2016. – № 26. – С. 245–249.
3. Проказин И.Л. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти / И.Л. Проказин // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3 (26). – С. 63–67.
4. Братко Т.Д. Соотношение принципов самостоятельности бюджетов и единства бюджетной системы / Т.Д. Братко // Финансовое право. – 2017. – № 1. – С. 23–26.
5. Саттарова Н.А. Местные бюджеты: отдельные вопросы правового регулирования в современных условиях / Н.А. Саттарова // Финансовое право. – 2019. – № 5. – С. 13–14.
6. Салихова С.М. История взаимоотношений органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в России / С.М. Салихова, М.А. Мирзаев // Национальная ассоциация ученых. – 2017. – № 7 (34). – С. 33–36.
7. Усманова Р.М. Развитие территорий как одно из приоритетных направлений в Российской Федерации / Р.М. Усманова // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан), Уфа, 25–26 апреля 2019 г. – Уфа : БашГУ, 2019. – С. 369–371.
8. Сатанбеков Н.А. Роль бюджетной децентрализации в формировании и дальнейшем совершенствовании межбюджетных отношений / Н.А. Сатанбеков, Н.Е. Абаева, А.Б. Муканова // Вестник университета «Туран». – 2018. – № 2 (78). – С. 219–224.

References

1. Alikhanov M.M. Interaction of Public Authorities and Local Governments: Theory and Practice. *Metody nauki = Methods of Science*, 2017, no. 3 (4), pp. 47–50. (In Russian).
2. Pavlov N.V., Penkova A.S. Interaction of Local Government with Public Authorities. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika = State and Municipal Management in the XXI Century: Theory, Methodology, Practice*, 2016, no. 26, pp. 245–249. (In Russian).
3. Prokazin I.L. Interaction of Local Government with Public Authorities. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Journal of Public and Municipal Administration*, 2017, no. 3 (26), pp. 63–67. (In Russian).
4. Bratko T.D. Relationship of the Principles of Budget Independence and Budget Unity. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2017, no. 1, pp. 23–26. (In Russian).
5. Sattarova N.A. Local Budgets: Some Legal Regulation issues in the Modern Conditions. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2019, no. 5, pp. 13–14. (In Russian).
6. Salikhova S.M., Mirzayev M.A. The Story of the Relationship of the Local Self-Government Bodies and Bodies of State Power of Constituent Entities of the Russian Federation in Russia. *Nacional'naya asociaciya uchenykh = National Association of Scientists*, 2017, no. 7 (34), pp. 33–36. (In Russian).
7. Usmanova R.M. Development of Territories as One of the Priority Areas in the Russian Federation. *Sovershenstvovanie sistemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya v usloviyah realizacii pri-oritetnykh nacional'nykh proektov v Rossijskoj Federacii. Cbornik materialov Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan), Ufa, 25–26 aprelya 2019 g.* [Improving the System of State and Municipal Government in the Context of the Implementation of Priority National Projects in the Russian Federation. Collection of Materials of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference with International Participation (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan), Ufa, April 25–26, 2019]. Bashkir State University, 2019, pp. 369–371. (In Russian).
8. Satanbekov N.A., Abaeva N.E., Mukanova A.B. The Role of the Budgetary Decentralization in Formation and Further improvement of the Interbudgetary Relations. *Vestnik universiteta «Turan» = Bulletin of «Turan» University*, 2018, no. 2 (78), pp. 219–224. (In Russian).

Информация об авторе

Бойко Наталья Николаевна –
кандидат юридических наук,
доцент Стерлитамакского
филиала Башкирского
государственного университета

Information about the Author

Boyko Natalia Nikolaevna –
*Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of Sterlitamak Branch
of the Bashkir State University*

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 07.07.2022.

The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 07.07.2022.

Научная статья

УДК 342.25

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.4

Курилюк Юлия Евгеньевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, YEKurilyuk@fa.ru

О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЕГО ПОЛНОМОЧИЙ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Результатом продолжающегося процесса встраивания органов местного самоуправления в систему публичной власти стало принятие в первом чтении законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Этим законопроектом за органами государственной власти закрепляется широкая дискреция в части регулирования особенностей организации местного самоуправления на территориях, перечень которых не раскрывается, расширены полномочия глав субъектов в отношении глав муниципальных образований и глав местных администраций. Полномочия же органов местного самоуправления предполагается расширить, при этом дополнительное финансирование не предусматривается. Указанные проблемы, по мнению автора, могут быть решены путем закрепления конкретного перечня территорий, регулирования особенностей организации местного самоуправления на которых возложено на органы государственной власти, конкретизации случаев наступления ответственности глав муниципальных образований и местных администраций, перераспределения налоговых доходов бюджетов с увеличением доли местных бюджетов либо существенной корректировкой полномочий органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, общие принципы организации местного самоуправления, единая система публичной власти, законопроект, форма самоорганизации граждан, народовластие

Для цитирования: Курилюк Ю.Е. О проблемах определения местного самоуправления и его полномочий в единой системе публичной власти / Ю.Е. Курилюк // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 29–35. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.4.

Original article

Kurilyuk Julia Evgenievna

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, YEKurilyuk@fa.ru

ON THE PROBLEMS OF DETERMINING LOCAL SELF-GOVERNMENT AND ITS POWERS IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Abstract. The result of the ongoing process of local self-government integration into the system of public authority was the adoption in the first reading of the Draft Law «On the general principles of organizing local self-government in a single system of public authority». Concurrently in the said bill, wide discretion is assigned to public authorities in terms of regulating the features of the organization of local self-government in territories, the list of which is not disclosed, the powers of the heads of subjects in relation to the heads of municipalities and heads of local administrations are expanded. This draft law grants the state authorities wide discretion in regulating the peculiarities of the organization of local self-government in the territories whose list is not disclosed, the powers of heads of entities over heads of municipalities and heads of local administrations have been extended. The powers of local self-government bodies are supposed to be expanded, while additional funding is not provided. According to the author these problems can be solved by fixing a specific list of territories, the regulation of the organization of local self-government on which is entrusted to state authorities, specifying cases of liability of the heads of municipalities and local administrations, redistributing tax revenues of budgets with an increase in the share of local budgets or significant adjustment of the powers of local self-government.

Keywords: local self-government, local self-government bodies, general principles of local self-government organization, unified system of public authority, draft law, form of self-organization of citizens, people power

For citation: Kurilyuk J.E. On the Problems of Determining Local Self-Government and Its Powers in a Unified System of Public Authority. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 29–35. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.4 (In Russian).

С принятием в 2020 г. поправок к Конституции РФ гл. 8 Основного закона, посвященная местному самоуправлению, претерпела существенные изменения. Положение о принадлежности органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) наряду с органами государственной власти к единой системе публич-

ной власти и ранее, до внесения конституционных поправок, находило отражение в доктринальных источниках [1, с. 7–13], однако на нормативном уровне получило закрепление впервые. Не смыслообразующее само по себе, оно фактически встроило систему местного самоуправления в вертикаль государственной власти, о чем свидетельствуют, в частности, положения ч. 1, 1.1 и 2 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ст. 133 Конституции РФ. Такая точка зрения находит подтверждение в работах специалистов в сферах юриспруденции и политологии [2, с. 36]. Следует, однако, отметить, что не всеми учеными такой вариант правового регулирования оценивался негативно [3, с. 126.]. На необходимость согласованного действия представителей различных уровней власти «как единого целого во благо граждан» указывал и Конституционный Суд РФ¹.

Представляется, что пересмотр места ОМСУ в системе органов власти Российской Федерации можно считать одной из главных целей конституционной реформы. Об этом можно судить, в частности, по названию закона, внесшего поправки: исходя из его наименования, он был призван усовершенствовать именно организацию и функционирование публичной власти.

В дальнейшем конституционные положения получили конкретизацию сначала в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»², а затем в проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³ (далее – Законопроект № 40361-8).

Иным стал даже подход к нормативному определению местного самоуправления. Так, если сейчас в соответствии с действующим законодательством это форма осуществления народом своей власти (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴, далее – Закон № 131-ФЗ), то в Законопроекте № 40361-8 местное самоуправление понижается до всего-навсего формы самоорганизации граждан. На сегодняшний день в качестве самоорганизации граждан по месту жительства определяется территориальное общественное самоуправление.

При этом положение об отнесении местного самоуправления именно к форме осуществления власти фактически содержится в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ. Самостоятельность местного самоуправления в пределах принадлежащих

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Российская газета. 2020. № 56.

² Российская газета. 2021. № 294.

³ Законопроект № 40361-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 13.04.2022).

⁴ Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

ему полномочий подчеркивается в ст. 12 Конституции РФ. Оба этих конституционных положения нашли закрепление в гл. 1 Конституции РФ, положения которой в силу ч. 2 ст. 16 имеют приоритет перед нормами всех иных глав документа, обладающего высшей юридической силой.

Не может не вызывать беспокойства и норма, закрепленная в ст. 133 Конституции РФ. Так, если по прежней редакции Конституции ОМСУ компенсировались дополнительные расходы, которые возникали у них по причине решений государственно-властных органов, то по новой редакции компенсации подлежат лишь те дополнительные расходы, которые ОМСУ понесут в результате выполнения совместно с государственными органами публичных функций. Следуя буквальному толкованию правовой нормы, необходимо заключить, что если такие расходы ОМСУ понесут по поручению либо по решению государственных структур, при этом самостоятельно исполняя такое поручение либо решение, никакая компенсация расходов полагаться им не будет.

Попытка наделения ОМСУ новыми полномочиями при весьма существенном сокращении структуры и численности органов нашла отражение в Законопроекте № 40361-8. 25 января 2022 г. он был принят Госдумой в первом чтении, поправки должны были быть представлены к 23 февраля. Однако затем срок для направления поправок был продлен до 20 мая. Причиной стали большое количество предлагаемых поправок, разные взгляды на ключевые аспекты законопроекта (одноуровневая или двухуровневая система ОМСУ, распределение полномочий, финансирование и пр.)¹. Детальное обсуждение положений законопроекта, в том числе с представителями ОМСУ и общественностью, таким образом, стало неизбежным.

Если переход от двухуровневой структуры ОМСУ к одноуровневой с ликвидацией так называемого «матрешечного» принципа организации местного самоуправления хотя и по-прежнему вызывает вопросы, но также сразу предлагает варианты трудоустройства муниципальных служащих ликвидируемого уровня и организацию решения вопросов населения без необходимости обращаться каждый раз на уровень округа, то вопрос разграничения полномочий стоит наиболее остро и требует детального рассмотрения.

Во-первых, необходимо отметить, что если в большей части полномочия федеральных госструктур в области местного самоуправления в Законопроекте № 40361-8 совпадают с прописанными в Законе № 131-ФЗ, то одно

¹ Веретенникова К., Прах А., Хейфец К. Муниципалитетам дали новый срок. Рассмотрение законопроекта о реформе МСУ откладывается до июня [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2022. 17 фев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5219017> (дата обращения: 13.04.2022) ; Госдума рассмотрела законопроект о местном самоуправлении [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/238450/> (дата обращения: 13.04.2022).

различие все же имеется: новая редакция закона, регулирующего основы организации местного самоуправления, относит к ним также возможность федеральных государственных органов урегулировать особенности организации самоуправления на территориях Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях. При этом перечень «других территорий» в Законопроекте № 40361-8 не раскрывается, что оставляет, на наш взгляд, простор для широкого толкования и, возможно, не менее широкого вмешательства.

Во-вторых, существенно расширены полномочия глав субъектов в отношении глав муниципальных образований и глав местных администраций: Законопроектом № 40361-8 предусмотрен широкий перечень новых полномочий должностных лиц субъектов в отношении указанных представителей местной власти (право выносить предупреждение и объявлять выговор, возможность выражения главой субъекта инициативы по удалению главы муниципального образования в отставку за «систематическое недостижение показателей эффективности деятельности» и т. д.).

В пояснительной записке к Законопроекту № 40361-8 это называют усилением ответственности руководства местного уровня перед руководством субъекта. Разумеется, слова о действии разных уровней власти как единого целого не могли означать только то, что местное самоуправление лишь на бумаге станет «первой ступенью» публичной власти, однако подобные положения ставят под сомнение тезис ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления. Неясно также, за счет чего в такой перспективе должен произойти рост «престижа муниципального уровня», о котором говорил в своей программной заметке зампред Комитета Совфеда по конституционному законодательству и государственному строительству¹.

В-третьих, вместо 14 полномочий ОМСУ по решению вопросов местного значения (ст. 17 Закона № 131-ФЗ) Законопроектом № 40361-8 в ст. 32 предусматривается 27 обязательных и 28 факультативных полномочий ОМСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности. Конечно, в их перечень вошли и формулировки вопросов местного значения. Как разъясняется в пояснительной записке к Законопроекту № 40361-8, такое объединение понятий было призвано ликвидировать конкуренцию между полномочиями ОМСУ и вопросами местного значения. При этом конкретные изменения в Бюджетный кодекс, которые должны будут предусмотреть перераспределение налоговых доходов местных бюджетов, в Законопроекте не

¹ Кавджарадзе М.Г. Полномочия местного самоуправления будут расширены и укреплены [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания РФ : сайт. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/132011/> (дата обращения: 15.04.2022).

предусматриваются, об увеличении налогооблагаемой базы муниципалитетов речи не идет. Частью 4 ст. 34 Законопроекта № 40361-8 финансирование переданных на места полномочий предусматривается за счет субвенций. При этом там же прописывается право органов местного самоуправления использовать для осуществления переданных полномочий и свое имущество. Остается радоваться, что это по-прежнему, как и в настоящее время в ч. 4 ст. 15 Закона № 131-ФЗ, сформулировано как право, а не как обязанность.

Таким образом, необходимо отметить, что определение местного самоуправления как формы самоорганизации граждан, предлагаемое Законопроектом № 40361-8, сомнительно коррелирует как с прописанной в ст. 12 Конституции РФ самостоятельностью ОМСУ, так и с закрепленным в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ положением о возможности осуществления народом власти через ОМСУ (следовательно, пониманием их в качестве властных структур). Представляется, что в Законопроекте может быть закреплено прежнее определение местного самоуправления как формы осуществления власти.

Кроме того, нуждается в существенной проработке вопрос распределения полномочий между органами государственной власти и ОМСУ и вопрос финансового обеспечения исполнения полномочий ОМСУ. Представляется, что в законопроекте мог бы быть закреплен конкретный перечень территорий, регулирование особенностей организации местного самоуправления на которых возложено на органы государственной власти. Кроме того, полагаем необходимым конкретизировать случаи наступления ответственности глав муниципальных образований и местных администраций. Также считаем нуждающимися в перераспределении налоговые доходы бюджетов с увеличением нормативов зачисления тех налогов, которые уже поступают в местные бюджеты. В противном случае, представляется, полномочия ОМСУ должны быть подвергнуты корректировке и перераспределению между различными уровнями публичной власти.

Список источников

1. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития / С.А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 7–13.

2. Усманова Р.М. Место органов местного самоуправления в системе публичной власти в свете конституционных поправок / Р.М. Усманова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (88). – С. 35–41.

3. Овсепян Ж.И. К обсуждению Законопроекта о поправке к Конституции Российской Федерации, инициированного Президентом Российской Фе-

дерации В.В. Путиным 20 января 2020 года (Круглый стол в Южном федеральном университете) / Ж.И. Овсепян // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 122–130. DOI: 10.23683/2313- 6138-2020-7-2-18.

References

1. Avak'yan S.A. The Structure of Public Power in Russia: Problems of Formation and Development. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2018, no. 4 (33), pp. 7–13. (In Russian).
2. Usmanova R.M. Place of Local Self-Government Bodies in the System of Public Power in the Light of Constitutional Amendments. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 2 (88), pp. 35–41. (In Russian).
3. Ovsepyan Zh.I. The Discuss of the Draft Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation, Initiated by President of the Russian Federation Vladimir Putin 20.01.2020 (Round Table at Southern Federal University). *Vestnik YUridicheskogo fakul'teta YUzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 122–130. DOI: 10.23683/2313- 6138-2020-7-2-18.

Информация об авторе

Курилюк Юлия Евгеньевна – кандидат юридических наук, магистр юриспруденции, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Information about the Author

Kurilyuk Julia Evgenievna – Candidate of Sciences (Law), Master of Jurisprudence, Assistant Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 342.55

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.5

Усманова Резида Минияровна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,

Стерлитамак, Россия,

rezidausmanova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»

Аннотация. В статье уделено внимание федеральной территории «Сириус», образованной в соответствии с ч. 1 ст. 67 Конституции РФ. Отмечено, что федеральная территория «Сириус» не обладает статусом субъекта Российской Федерации. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"» установил цели ее создания, особенности осуществления экономической и иной хозяйственной деятельности, а также особенности организации публичной власти на федеральной территории. Обозначены особенности организации местного самоуправления, которые выражаются в формах участия граждан и в полномочиях органов публичной власти по решению вопросов местного значения.

Ключевые слова: федеральная территория, местное самоуправление, публичная власть, государственная власть

Для цитирования: Усманова Р.М. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории «Сириус» / Р.М. Усманова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. С. 36–41. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.5

Original article

Usmanova Rezida Miniyarovna

Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia,
rezidausmanova@yandex.ru

ON THE ORGANIZATION OF PUBLIC AUTHORITY IN THE FEDERAL TERRITORY «SIRIUS»

Abstract. The article focuses on the federal territory «Sirius» formed in accordance with Part 1 of Article 67 of the Constitution of the Russian Federation. It is noted that the federal territory «Sirius» does not have the status of a subject of the Russian Federation. Federal Law No. 437 «On the federal territory of «Sirius» established the goals of its creation, the specifics of the implementation of economic and other economic activities, as well as the specifics of the organization of public power in the federal territory. The features of the organization of local self-government, which are expressed in the forms of participation of citizens and in the powers of public authorities to resolve issues of local importance, have been marked.

Keywords: federal territory, local government, public authority, state authority

For citation: Usmanova R.M. On the Organization of Public Authority in the Federal Territory «Sirius». *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 36–41. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.5 (In Russian).

В настоящее время в целях реализации норм Конституции РФ принимаются различные правовые акты. Особую актуальность приобретают нормативные правовые акты, в которых определяется организация публичной власти. Одним из них является Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (далее – ФЗ № 437). Рассмотрим, в чем же заключаются эти особенности.

Во-первых, в формировании органов публичной власти.

Систему органов публичной власти, согласно Уставу федеральной территории (далее – ФТ) «Сириус», составляют Совет ФТ «Сириус», администрация ФТ «Сириус», контрольно-счетная палата, градостроительный совет, уполномоченный по вопросам местного самоуправления, территориальная избирательная комиссия.

Совет ФТ «Сириус» состоит из 17 членов, при этом не все члены избираются гражданами, некоторые назначаются органами государственной вла-

сти (трое – Президентом РФ, трое – Правительством РФ, один – высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) Краснодарского края). Председатель Совета ФТ «Сириус» избирается на должность из состава Совета ФТ «Сириус» по представлению Президента РФ на срок полномочий Совета ФТ.

Глава администрации ФТ «Сириус» входит в состав Совета ФТ «Сириус». Согласно нормам закона он назначается на должность Советом ФТ «Сириус» на срок до пяти лет. Но ведь глава администрации является членом этого Совета, значит, главой не может быть ни один из избираемых членов и ни один из назначаемых лиц. Не ясен вопрос и о процедуре назначения на должность главы Советом ФТ. Согласно закону о ФТ председатель Совета ФТ вправе направить руководителю федерального государственного органа предложение об отстранении от должности руководителя специально созданного в ФТ «Сириус» территориального органа или иного обособленного подразделения федерального государственного органа. Получается, что председатель Совета ФТ вправе каким-то образом влиять на федеральную государственную исполнительную власть.

Во-вторых, в особенностях форм деятельности органов публичной власти ФТ. Нормативным правовым актом, определяющим вопросы организации и функционирования ФТ «Сириус», является Устав ФТ «Сириус», подлежащий сначала согласованию Правительством РФ, а затем утверждаемый Советом ФТ «Сириус». Однако из смысла самого закона неясно, участвует ли население ФТ в обсуждении «главного» нормативно-правового акта территории. Да, мы имеем дело с утверждением Устава представительным органом ФТ. Но ведь сам представительный орган состоит, прямо скажем, не из представителей населения территории.

Органы публичной власти ФТ вправе устанавливать особенности регулирования отдельных отношений в ФТ «Сириус», вводить экспериментальный правовой режим. В соответствии со ст. 8 ФЗ № 437 органы публичной власти ФТ «Сириус» осуществляют полномочия как органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти Краснодарского края, а также органов местного самоуправления городского округа (в том числе по решению вопросов местного значения городского округа). Но при этом они же вправе заключать соглашения о передаче полномочий с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти Краснодарского края, органами местного самоуправления муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края. Однако в основном все полномочия выполняются под непосредственным управлением со стороны федерального центра. И можно сделать вывод о том, что у ФТ нет вопросов исключительного ведения.

В-третьих, в особенностях осуществления экономической и иной деятельности органами публичной власти. В ФТ «Сириус» может устанавливаться специальное регулирование определенных отношений. Органами публичной власти ФТ «Сириус» могут устанавливаться меры поддержки лиц, осуществляющих деятельность в ФТ. Ряд особенностей деятельности в ФТ (именно медицинская и образовательная) определены Постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2019 г. № 1428 «О создании инновационного научно-технологического центра "Инновационный научно-технологический центр "Сириус"».

В-четвертых, в особенности осуществления местного самоуправления. Местное самоуправление в ФТ «Сириус» осуществляется проживающими на ее территории гражданами непосредственно, в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также через органы публичной власти ФТ «Сириус», осуществляющие в том числе полномочия органов местного самоуправления городского округа.

На наш взгляд, имеется ряд противоречивых моментов в закрепленной законодательством организации местного самоуправления на данной территории.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что муниципальная власть по своей природе является властью самого местного сообщества, а субъектом права на самостоятельное осуществление муниципальной власти непосредственно и через органы местного самоуправления выступает население муниципального образования. Согласно данной позиции главным субъектом является население, которое имеет возможность для осуществления своей власти и участия в местном самоуправлении.

Однако по смыслу ФЗ № 437 местное самоуправление в ФТ «Сириус» осуществляется проживающими на ее территории гражданами, а не населением. Получается, что постоянно проживающие иностранцы и лица без гражданства не участвуют в осуществлении местного самоуправления? Это же утверждение вытекает из анализа ст. 11 ФЗ № 437, где вновь в качестве субъекта указаны граждане ФТ, которые вправе участвовать в управлении ею в определенных формах. И эти формы перечислены в законе. Однако хочется отметить, что и в реализации этих форм гражданами возможны определенные ограничения.

Так, по факту граждане не могут участвовать в формировании всех органов публичной власти. Они могут участвовать только в формировании тех членов Совета ФТ, которые избираются в соответствии с законодательством Российской Федерации о выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Граждане абсолютно от-

странены от формирования остальных членов Совета ФТ, ее председателя и главы администрации.

Что же касается правотворческой инициативы, то также могут возникнуть ограничения. Например, по смыслу закона нельзя будет вносить проект Устава, проект решения о внесении изменений в Устав в порядке реализации правотворческой инициативы граждан, так как ФЗ № 437 закреплена иная процедура принятия Устава ФТ «Сириус».

Интересно выглядит и реализация права на публичные слушания и общественные обсуждения. Неясен вопрос со стратегией социально-экономического развития ФТ. Выносятся ли она на публичные слушания? Указано лишь, что глава администрации ФТ «Сириус» обеспечивает разработку проекта стратегии социально-экономического развития ФТ «Сириус», а Совет ФТ ее утверждает. На общественные обсуждения и публичные слушания, согласно законодательству, могут быть вынесены вопросы, связанные с градостроительной деятельностью. Но согласно ст. 44 ФЗ № 437 в ФТ «Сириус» может быть установлено специальное регулирование отношений в этой сфере и возможно установление ограничений, связанных с общественными обсуждениями и публичными слушаниями по вопросам, установленным ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ.

Интересен и статус Уполномоченного по вопросам местного самоуправления. Так, неясно, каким образом население участвует в его формировании. Согласно Уставу это лицо назначается Советом с учетом мнения населения. Но как население его выражает? В Уставе о ФТ нет ответа на этот вопрос.

Актуальными на ФТ всегда останутся главные моменты в реализации полномочий публичной власти – правильное перераспределение полномочий между различными уровнями публичной власти и устранение рисков коррупционных деяний.

Важными направлениями по усовершенствованию противокоррупционных механизмов в системе публичной власти должны стать, во-первых, работа с правовой основой противодействия коррупционной деятельности, борьба с ее проявлениями на каждом уровне власти через доработку нормативных правовых актов национального права, а также работа по дальнейшей ратификации Российской Федерацией норм международного права, направленных на противодействие коррупции в процессе функционирования как муниципальной службы, так и государственной, определение статуса служащих и лиц, претендующих на замещение должностей службы ФТ, а также в механизме прохождения самой службы. Во-вторых, работа должна вестись в плоскости совершенствования организационных антикоррупционных основ муниципальной и государственной службы на основе взаимного

сотрудничества и взаимодействия государств и международного сообщества по созданию особых антикоррупционных институтов, консультативного процесса и коллаборации публично-общественных структур в государстве.

Но дело заключается не только в модернизации законодательной и организационной (институциональной) основы, но и в применении различных форм социальной регуляции правового характера, в том числе и повышении уровня антикоррупционного правосознания и формировании правомерного поведения общества.

Сформировать социально благоприятный стандарт, способствующий повышению уровня правовой культуры и правосознания населения, помогают и СМИ. Эффективным инструментом антикоррупционной борьбы является активная гражданская позиция и общественный контроль на федеральной территории.

Информация об авторе

Усманова Резида Минияровна –
доктор юридических наук, декан
юридического факультета
Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного
университета

Information about the Author

Usmanova Rezida Miniyarovna –
Doctor of Law, Dean of the Law
Department, Sterlitamak Branch
of the Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 08.07.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 08.07.2022.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 346.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.6

Королёва Анна Николаевна

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия, ankoroleva2020@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА И ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. Целью работы является разработка модели правового регулирования стратегического планирования субъектов публичной власти в условиях нового технологического уклада. Сделаны выводы о необходимости создания цифровой платформы нормативных правовых актов и документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации и муниципалитетов, цифровизации института оценки регулирующего воздействия (цифрового тестирования проектов нормативных актов, использования аналитических методов расчета последствий принятых актов, в том числе прогнозируемого влияния на социально-экономическое развитие региона и муниципалитетов), совершенствования системы выявления административных барьеров, создания цифрового «единого окна» защиты прав и др.

Ключевые слова: стратегическое планирование, публичная власть, цифровая экономика, Национальная технологическая инициатива, цифровой рынок, новый технологический уклад

Для цитирования: Королёва А.Н. Правовые аспекты трансформации стратегического планирования в условиях нового технологического уклада и формирования рынков национальной технологической инициативы / А.Н. Королёва // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 42–49. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.6.

Original article

Koroleva Anna Nikolaevna

Samara Law Institute of the Federal Penal Service, Samara, Russia, ankoroleva2020@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF STRATEGIC PLANNING TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF A NEW TECHNOLOGICAL ORDER AND FORMATION OF NATIONAL TECHNOLOGICAL INITIATIVE MARKETS

Abstract. The aim of the work is to develop a model of legal regulation of strategic planning of subjects of public authority in the new technological order. Conclusions are made: on the need to create a digital platform for regulatory legal acts and strategic planning documents of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities, digitalization of the RIA institute (digital testing of draft regulations, the use of analytical methods for calculating the consequences of adopted acts, including the predicted impact on the socio-economic development of the region and municipalities), on improving the system for identifying administrative barriers, creating a digital «single window» for protecting rights, etc.

Keywords: strategic planning, public authority, digital economy, National Technology Initiative, digital market, new technological paradigm

For citation: Koroleva A.N. Legal Aspects of Strategic Planning Transformation in the Context of a New Technological Order and Formation of National Technological Initiative Markets. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 42–49. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.6 (In Russian).

Современные процессы цифровизации затрагивают практически все сферы общественных отношений и определяют существенные трансформации в организации и деятельности институтов публичной власти, правосудия, исполнительного производства, предпринимательской деятельности и

частноправовых отношений. Появляются новые направления деятельности и стираются барьеры транснациональной коммуникации.

Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. дал поручение «парламентариям оперативно принять законы, приоритетные для создания правовой среды новой, цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность». Данное положение вошло в перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию.

Цифровизация социально-экономических процессов и формирование принципиально новой технологической среды определяет необходимость трансформации правового регулирования, в том числе в сфере стратегического планирования субъектов публичной власти, а также качественного изменения регуляторных механизмов на финансовых и товарных рынках.

Большинство стран мира в своих документах стратегического планирования и иных программных документах анализируют мировые мегатренды в области развития технологий и инноваций, устанавливают национальные приоритеты, планы развития, осуществляют координацию деятельности частных компаний для более эффективного выхода на глобальные рынки со своими новыми прорывными технологиями. Кроме того, стратегии развития технологий приняты в крупных, в том числе транснациональных, компаниях, которые предусматривают частные проекты технологических инноваций. Как правило, они согласованы с государственными стратегиями и программами. Установлен механизм реагирования на изменения окружающей среды и рынков и внесения изменений с целью упрощения и удешевления процесса управления, что отличается от российской практики регулирования стратегического планирования. Большие операторы и крупные компании не могут позволить себе поддерживать громоздкие процессы и медленные корпоративные культуры, поэтому происходит серьезная трансформация процесса стратегического планирования на государственном и частном уровне в зарубежных странах.

Происходящая технологическая революция и включение в гражданский оборот новых объектов, возникших под влиянием цифровых технологий (Интернет вещей, искусственный интеллект, Большие данные, виртуальная и дополненная реальность, цифровые профили и цифровые двойники, цифровые технологические платформы, агрегаторы и др.), обуславливают изменение приоритетов стратегического планирования на государственном и частном уровне. Перспективы стратегического планирования определяются необходимостью создания эффективной модели нового правового регу-

лирования стратегического планирования и быстрого использования появляющихся возможностей для развития рынков.

Все большее проникновение цифровых технологий в социально-экономические отношения актуализирует проблему адаптации положений действующих документов стратегического планирования и законодательства к новым реалиям, во многом связано с использованием технологических инноваций и программных продуктов, которые создают базис для формирования принципиально новой среды правового регулирования как на национальном, так и на международном уровне.

Так, решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» устанавливает, что цифровая трансформация управления интеграционными процессами в Союзе включает в себя в том числе введение этапа предварительного моделирования при подготовке нормативных документов, с последующим переходом к алгоритмическому регулированию.

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривает систему документов стратегического планирования на федеральном уровне (которые подразделяются на разрабатываемые в рамках целеполагания, в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, в рамках прогнозирования, в рамках планирования и программирования), на уровне субъекта Российской Федерации (которые подразделяются на разрабатываемые в рамках целеполагания, в рамках прогнозирования, в рамках планирования и программирования), на уровне муниципального образования. Данные документы имеют управленческую природу, но часть из них соответствуют признакам нормативного правового акта. Это в основном акты, разрабатываемые в рамках планирования и программирования.

Юридическое прогнозирование рассматривается как деятельность по исследованию будущего состояния государственно-правовых явлений и включает широкий круг методов: моделирования, статистики, формальной логики и математики и др. Юридическое планирование – деятельность по моделированию будущего состояния государственно-правовых явлений с учетом поставленной цели и результата. Юридическое планирование следует отграничивать от стратегического планирования как деятельность по моделированию будущего состояния социально-экономического развития территории с учетом поставленной цели и результата.

В настоящее время достижение целей социально-экономического развития осуществляется в том числе на основе реализации проектов государственно-частного партнерства. Так, в 2014 г. по инициативе Президента РФ

создана некоммерческая организация Национальная технологическая инициатива (далее – НТИ), которая рассматривается как проект частно-государственного партнерства. Мероприятия по развитию рынков НТИ установлены в дорожных картах, которые относятся к документам стратегического планирования и разрабатываются с учетом проведения форсайта.

Форсайт предполагает более широкий круг участников, чем социальное прогнозирование, более широкий инструментарий и разнообразие сфер использования – от социальных явлений до сферы науки и технологий, что рассматривается как его преимущество. Однако, на наш взгляд, разработки в области социального прогнозирования, сделанные отечественными учеными, следует учитывать при применении пришедшего из-за рубежа форсайта. Кроме того, необходимо указывать в дорожных картах, какие именно методики форсайта используются при их разработке.

В субъектах Российской Федерации имеется несколько моделей оценки регулирующего воздействия. Несмотря на положительное значение института оценки регулирующего воздействия, необходимо совершенствование его механизмов оценки и введение следующих методов проведения: онлайн-консультации, интерактивные публичные слушания, создание электронного сервиса для сбора замечаний от заинтересованных лиц, которые доступны другим пользователям, использование социальных сетей.

Более эффективным институт оценки регулирующего воздействия станет после цифрового тестирования проектов нормативных актов. Необходимо разработка и обсуждение конкретных аналитических методов расчета последствий принятых актов, в том числе прогнозируемое влияние на социально-экономическое развитие региона и муниципалитетов. Предлагаем создание цифровой платформы нормативных правовых актов и документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации и муниципалитетов, и в рамках этой платформы предложение различных электронных сервисов.

В настоящее время предусмотрено достаточно много механизмов для обратной связи с субъектами предпринимательской деятельности: введен институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмен), создана цифровая платформа прокуратуры для рассмотрения обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов, общественные организации, ассоциации (союзы) предпринимателей, торгово-промышленные палаты и другие социальные институты, которые выявляют административные барьеры и имеют предусмотренные законом формы для реагирования на них. Но они разрознены и не имеют целостной системы. Поэтому

предложено проводить обобщение практики выявления административных барьеров на основании сведений, поступающих от заинтересованных лиц.

В настоящее время принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий механизм «регуляторных песочниц», который уже применяется на финансовом рынке, и первая практика его применения обобщена в последнем докладе Банка России для общественных консультаций «Подходы Банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке». Данный механизм внедряется и в зарубежных странах. Например, в Европейском союзе в 2018 г. создана Обсерватория и Форум ЕС по технологиям блокчейн, исследованию проблем и возможностей использования криптоактивов. Одной из задач Обсерватории является разработка и апробирование методологии регулирования рынка финтех услуг на основе экспериментальных «регуляторных песочниц» (sandboxes), которые позволяют регулирующим органам обучаться методам надзора в новых условиях.

Предлагаем для реализации механизма «регуляторных песочниц» на рынках НТИ указать в законе, что экспериментальный правовой режим может быть введен в отношении продуктов (товаров), созданных в результате реализации проектов на рынках НТИ согласно их дорожным картам.

В настоящее время информация о возможности участия в проектах НТИ носит очень фрагментарный характер, часть населения не информирована или очень слабо информирована о том, что такое НТИ, какие проекты реализуются на территории субъекта Российской Федерации и как его жители могут в них участвовать. Предлагаем использовать механизм «Маркетплейс», который сейчас отрабатывается Банком России в отношении финансовых рынков и который может быть применен для рынков НТИ.

Основным источником капитализации в цифровой экономике являются цифровые платформы и цифровые ресурсы. Поскольку одна из ключевых целей социально-экономического развития на ближайшие годы – это прорывной рост ВВП, одно из направлений экономического роста – сокращение издержек. Предлагаем использовать возможности и перспективы заключения смарт-контрактов, блокчейн-технологий в сфере госзакупок. Это приведет к сокращению затрат на подготовку и оформление документации, сократит количество посредников, число картельных сговоров, рисков коррупции путем создания репутационных списков. Первая практика в этом направлении уже апробирована. Так, фонд «ВЭБ-Инновации» заключил первый смарт-контракт на электронной площадке B2B-Center. Действия заказчика и потенциальных поставщиков фиксировались на блокчейн-платформе Ethereum. На следующем этапе Фонд планирует создать собственную систему крипторасчетов.

Предлагаем обсудить вопросы подготовки нормативной базы для запуска механизма использования нового финансового инструмента, подтвержденного мировой практикой – инновационных ваучеров, – посредством предоставления индустриальным партнерам льготного возвратного финансирования. Использование механизма инновационных ваучеров предложено распространить на важные социальные, но не очень востребованные на рынке виды деятельности – здравоохранение, образование.

Проекты государственно-частного партнерства также возможны и необходимы в области создания и использования объектов цифровых прав, цифровых платформ, Больших данных и др.

Таким образом, можно сделать следующие выводы и дать предложения по итогам исследования.

1. Необходимо создание цифровой платформы нормативных правовых актов и документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации и муниципалитетов и в рамках этой платформы создание различных электронных сервисов.

2. Предлагаем проводить обобщение практики выявления административных барьеров на основании сведений, поступающих от заинтересованных лиц.

3. Предлагаем для реализации инвестиционных проектов механизм «регуляторных песочниц» на рынках НТИ путем указания в законе, что экспериментальный правовой режим может быть введен в отношении продуктов (товаров), созданных в результате реализации проектов на рынках НТИ согласно их дорожным картам.

4. Предлагаем использовать механизм «Маркетплейс», который сейчас отрабатывается Банком России в отношении финансовых рынков и который может быть применен для рынков НТИ.

5. Предлагаем пилотный проект по созданию цифрового «единого окна» защиты прав. Субъектами права на защиту станут граждане и юридические лица, которые направляют обращения с приложенными документами через личный кабинет (на сайте «Госуслуги»). Оператор (соответствующий квалификационным требованиям) определяет подведомственность и подсудность обращения и направляет для рассмотрения, формируя единый реестр обращений. Также предложено создать «единый телефон», по которому можно будет сообщать о нарушении прав.

6. Предлагаем использовать возможности и перспективы заключения смарт-контрактов, использования блокчейн-технологий в сфере госзакупок.

Информация об авторе

Королёва Анна Николаевна –
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
профессиональных дисциплин
Самарского юридического
института Федеральной службы
исполнения наказаний

Information about the Author

Koroleva Anna Nikolaevna –
Candidate of Sciences (Law),
Associate professor, Assistant
Professor of the Chair of Professional
Disciplines, Samara Law Institute
of the Federal Penal Service,

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**LABOUR LAW; SOCIAL WELFARE LAW**

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.7

Удальцова Наталья Вячеславовна

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, udaltsova@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВАЦИИ И ИХ ОЦЕНКА**

Аннотация. Автор анализирует процессы цифровизации в трудовых отношениях, выделяет актуальные вопросы и нововведения в этой сфере, а также возникающие проблемы. Выделяются негативные для наименее защищенных слоев населения стороны цифровизации и дается авторская оценка возможных вариантов разрешения возникающих сложностей. Автор приходит к выводу об общей полезности цифровизации для повышения эффективности и производительности труда и делает акцент на повышении роли законодательных и правоприменительных органов в деле оперативного разрешения правовых коллизий и ситуаций возможного нарушения прав работников.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовое право, цифровизация, трудовая книжка, цифровой листок нетрудоспособности

Для цитирования: Удальцова Н.В. Правовые последствия цифровизации трудовых отношений: новации и их оценка / Н.В. Удальцова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 50–54. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.7.

Original article

Udaltsova Natalya Vyacheslavovna

Saint-Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russia, udaltsova@mail.ru

LEGAL EFFECT OF THE DIGITALIZATION OF LABOR RELATIONS: INNOVATIONS AND THEIR EVALUATION

Abstract. In this article, the author analyzes the processes of digitalization in labor relations, highlights current issues and innovations in this area, and also identifies some problems. Further, the negative aspects of digitalization for the most vulnerable groups of society are determined and the author's assessment of possible options for solving the emerging difficulties is given. The author concludes that digitalization is generally useful for increasing efficiency and productivity, and emphasizes the role of legislation and law enforcement agencies in the expeditious resolution of legal conflicts and situations of possible rights violations employees.

Keywords: labor relations, labor law, digitalization, employment book, digital disability certificate

For citation: Udaltsova N.V. Legal Effect of the Digitalization of Labor Relations: Innovations and Their Evaluation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 50–54. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.7 (In Russian).

Последние десятилетия проходят под девизом цифровизации всех сфер общественной жизни. Цифровизация внедряется и в сферу государственно-властных, управленческих, корпоративных отношений, меняет сложившиеся за десятилетия правила и практику правовых отношений.

Трудовое право всегда отличалось консерватизмом, так как трудовые отношения и их документальное сопровождение зачастую влияют на судьбы людей и их финансовое благополучие, поэтому какие-либо новации здесь должны быть тщательно продуманы.

Курс Правительства РФ на цифровизацию в последние годы коснулся и трудовых отношений. Одним из важных нововведений последних лет следует назвать внедрение электронных технологий в трудовые отношения и кадровый документооборот.

В соответствии с Федеральным законом от 16 декабря 2019 г. № 439 в Трудовой кодекс РФ были внесены важные изменения, касающиеся отражения сведений о трудовой деятельности граждан. Так, в отношении тех, кто впервые устраивается на работу, с 2021 г. не должны оформляться трудовые книжки, а

все сведения формируются в электронном виде. Соответственно, лица, у которых уже имелись трудовые книжки в бумажном виде, в переходный период с 2020 г. определяли, какую форму ведения сведений о работе выбрать.

Полемика о цифровых трудовых книжках продолжалась последние лет 10, но теперь мы уже можем считать это свершившимся фактом. Многие оставили трудовые книжки в бумажном виде, имея некоторые опасения насчет надежности электронных данных. Обоснованность этих опасений еще стоит проверить на практике, но о первых впечатлениях можно говорить уже сейчас.

Очевидными достоинствами электронной цифровой книжки можно назвать быструю передачу информации о внесении записи о приеме на работу или увольнении человека, возможность внесения исправлений в отображаемые сведения, защищенность данных (бумажные трудовые книжки могут быть утеряны) и т. п. Надо сказать, что данные о работе и начислениях давно формируются в базе Пенсионного фонда РФ, и каждый человек может посмотреть в режиме реального времени все сведения, а также заказать электронную выписку о пенсионных начислениях, поэтому больших проблем с переходом на электронные трудовые книжки возникнуть не должно.

Тем не менее некоторые авторы отмечают настороженность граждан по этому поводу. Так, приводятся данные социологического опроса, согласно которому около 43 % опрошенных отнеслись к нововведению положительно, 37 % – отрицательно, остальные 20 % – нейтрально [1, с. 115]. Причиной является как общее недоверие к электронным данным, так и конкретные недостатки. Отмечается сложность подключения к сети Интернет и специальным сервисам отдельных организаций, необходимость покупки для этого специальных программных средств и средств защиты информации. Кроме того, вопрос вызывает защищенность электронных данных от уничтожения и незаконного доступа, надежность оборудования, предназначенного для хранения данных.

Еще одним резонансным нововведением является внедрение электронной формы листа нетрудоспособности, который должен устранить коррупцию при выдаче больничных листов и предоставление подложных документов. Надо сказать, что этот вопрос вызвал меньше споров в обществе, чем электронные трудовые книжки, и показал свою эффективность, существенную экономию времени, удобство проведения начислений и пр. Безусловно, для работы с электронными больничными листами требуются как технические средства, так и обученный персонал, но эти моменты вполне устранимы, поэтому серьезных сложностей у работников и у работодателей не возникает.

Цифровизация внесла некоторые коррективы и в процессуальные права граждан. Так, согласно ст. 392 ТК РФ уволенный по инициативе работодателя работник имеет право обратиться в суд с иском о восстановлении на

работе в течение месяца с момента получения трудовой книжки или копии приказа. В случае с электронной книжкой данная формальность уже не имеет существенного значения, если у уволенного работника есть возможность и соответствующие навыки работы с интернет-сервисами. В этой связи справедливо поднимается вопрос о целесообразности дифференциации сроков исковой давности при рассмотрении трудовых споров для лиц, являющихся и не являющихся пользователями сети Интернет [2, с. 59]. Соблюдение принципа процессуального равенства сторон становится главенствующим и при внедрении цифровизации в деятельность органов правосудия, и это тоже нужно учитывать [3, с. 51].

В связи с этим требуется корректировка не только трудового законодательства, но и процессуальных норм. Весьма полезным будет разрешение этих вопросов Верховным Судом РФ в специальном постановлении Пленума, чтобы практика применения законодательства была единообразной.

В некоторой степени цифровая форма ведения трудовой книжки снимает ответственность и устраняет сложности работодателя, связанные с обязанностью своевременной и в надлежащей форме передачи бумажной трудовой книжки работнику после прекращения трудовых отношений.

Вопросы цифровизации ставят новые задачи по подготовке персонала организаций, в том числе работников кадровых подразделений, повышению их квалификации и обучению новым навыкам работы в цифровой среде. Наименее защищенными могут стать работники предпенсионного возраста, которые менее способны к переобучению, что может стать дополнительным инструментом давления на таких лиц со стороны руководства организаций. Несмотря на то что в 2018 г. в УК РФ введена ст. 144.1, предусматривающая ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, формальная неготовность к работе в цифровой среде может стать объективным критерием отказа в приеме на работу или увольнения с должности таких лиц на законных основаниях.

Таким образом, считаем, что цифровые технологии в трудовых и связанных с ними отношениях несут много положительного: повышается эффективность труда в целом, управленческая дисциплина, снижается нагрузка на сотрудников (в том числе кадровых и финансовых подразделений) и т. п. В то же время возникают трудности и объективные негативные последствия, что в целом не должно обесценивать те плюсы, которые обеспечивает цифровизация. Требуется время и законодательная корректировка отдельных вопросов, а не отмена внедренных новых информационных технологий, которые повышают эффективность и производительность труда. От правотворческих и правоприменительных органов требуется своевременное реагирование на возникающие проблемы в этом необратимом уже процессе.

Список источников

1. Чернецова А.Г. Электронные трудовые книжки: особенности и перспективы введения в России / А.Г. Чернецова, А.Е. Маст // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. – 2020. – № 2. – С. 113–116.
2. Малкеров В.Б. Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики / В.Б. Малкеров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 57–60.
3. Минаев В.А. Инновационные технологии в осуществлении правосудия / В.А. Минаев, Е.А. Королева // Администратор суда. – 2019. – № 3. – С. 51–53.

References

1. Chernetsova A.G., Mast A.E. Electronic Labor Books: Features and Prospects of Introduction in Russia. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii = Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperation*, 2020, no. 2, pp. 113–116. (In Russian).
2. Malkerov V.B. Labor Relations in the Context of the Digitalization of the Economy. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 57–60. (In Russian).
3. Minaev A.V., Koroleva E.A. Innovative Technologies in Justice. *Administrator suda = Court's Administrator*, 2019, no. 3, pp. 51–53. (In Russian).

Информация об авторе

Удальцова Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России

Information about the Author

Udaltsova Natalya Vyacheslavovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Labor Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of EMERCOM of Russia

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 19.06.2022; accepted for publication 20.06.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья

УДК 343.97

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.8

Лифанова Марина Владиславовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, lifanova@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Актуальной задачей современной российской криминологии является предупреждение преступности несовершеннолетних. Детерминанты преступности несовершеннолетних в России весьма разнообразны, однако ведущими криминогенными факторами следует признать семейное неблагополучие и недостатки семейного воспитания. В статье рассмотрены отдельные криминологические аспекты внутрисемейных отношений, обоснован вывод о необходимости изучения неблагополучной семьи как криминогенного фактора. Основным направлением профилактики преступности несовершеннолетних, семейного насилия, а также иных преступлений, детерминируемых неблагополучными брачно-семейными отношениями, следует признать создание условий (экономических, социальных, нравственно-психологических) для формирования социально благополучной семьи.

Ключевые слова: семья, семейное неблагополучие, семейное насилие, семейное воспитание, криминофамилистика, причины преступности несовершеннолетних

Для цитирования: Лифанова М.В. Семья как объект криминологического исследования / М.В. Лифанова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 55–60. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.8.

Lifanova Marina Vladislavovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, lifanova2009@yandex.ru

FAMILY AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The urgent problem of modern Russian criminology is the prevention of juvenile delinquency. The determinants of juvenile delinquency in Russia are very diverse, but the leading criminogenic factors are family problems and shortcomings of family education. The article considers some criminological aspects of family relations, substantiates the conclusion that it is necessary to study a dysfunctional family as a criminogenic factor. The main prevention of juvenile delinquency, family violence, as well as other crimes determined by dysfunctional marital and family relations should be the creation of conditions (economic, social, moral and psychological) for the formation of a socially prosperous family.

Keywords: family, family trouble, family violence, family upbringing, criminofamilistics, causes of juvenile delinquency

For citation: Lifanova M.V. Family as an Object of Criminological Research. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 55–60. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.8 (In Russian).

Семья традиционно исследуется как базовый институт формирования личности. Важность семьи обуславливается ее воспитательной функцией, а также тем, что и дети, и взрослые проводят в семье значительную часть своего времени. Именно в семье закладываются основы будущей личности, а пробелы и просчеты семейного воспитания бывает достаточно сложно корректировать посредством других социальных институтов. Таким образом, семью следует признать важнейшим социальным инструментом и регулятором поведения людей.

Семейное неблагополучие изначально рассматривалось криминологами как криминогенный фактор, в особенности актуальный для преступности несовершеннолетних. Однако, не отрицая ведущую роль семьи как фактора, лежащего в основе формирования криминогенного поведения несовершеннолетних, отметим, что семейное неблагополучие нередко обуславливает и преступления, совершаемые взрослыми. В первую очередь это насильственные бытовые преступления, а также отдельные преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности.

Криминофамилистика, или семейная криминология, как отрасль современной российской криминологии начала формироваться на рубеже XX–XXI вв. Ее теоретические основы были сформулированы Д.А. Шестаковым [1]. Современная криминофамилистика представляет собой отрасль криминологии, исследующую преступность, возникающую на почве внутрисемейных отношений. Предметом ее изучения выступают «криминогенные факторы семейной сферы и обусловленное ими преступное поведение, а также социальное воздействие на них в целях противодействия преступности» [2, с. 94]. Таким образом, семейная криминология (криминофамилистика) исследует комплекс криминологических проблем, связанных не только с преступностью несовершеннолетних, но и с насильственной, корыстной, рецидивной, молодежной, женской и многими другими видами преступности.

Семейное неблагополучие детерминирует разнообразные виды преступности, в особенности оно значимо как фактор криминогенного поведения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Семья является основным компонентом механизма социализации личности и вполне заслуженно рассматривается криминологами как причина формирования асоциального поведения подростков [3, с. 21]. Семья, воздействуя на несовершеннолетних членов, может стать как позитивным началом, приводящим к формированию благополучной, социально положительной личности, так и фактором негативным, обуславливающим личностные деформации и отклоняющееся от социальных норм поведение юноши или девушки.

Формирование криминогенной личности несовершеннолетнего бывает обусловлено стилем семейного воспитания, а также его недостатками и пробелами. При этом закрепление социально отклоняющегося развития может быть обусловлено рядом типичных ошибок в воспитании. Нам представляется, что можно выделить несколько типичных ситуаций семейного неблагополучия в контексте воспитания подрастающего поколения.

Во-первых, в отдельных семьях имеют место, а иногда и прямо навязываются детям примеры противоправного или асоциального (алкоголизм, наркомания и пр.) поведения родителей и других совершеннолетних членов семьи. Поскольку дети, формируясь, копируют поведение тех взрослых, которым доверяют и которых считают эталоном, высока вероятность того, что в дальнейшем они будут вести себя так же, искренне полагая, что так делают все, и не находя в таком поведении ничего негативного или неправильного [4, с. 106].

Во-вторых, в семьях встречаются случаи использования непедагогичных приемов и методов воспитания, факты жестокого обращения с детьми, физического или психического насилия над ними. По мнению Ю.М. Антоняна, все это «не только негативно воздействует на развитие ребенка, но и яв-

ляется причиной его психологического отчуждения от родителей» [5, с. 73], что, в свою очередь, приводит к попыткам ребенка привлечь к себе внимание и самоутвердиться, в том числе и посредством противоправного или иного асоциального поведения.

И наконец, в отдельных семьях имеет место двойственное отношение к социальным нормам, когда взрослые декларируют необходимость их неукоснительного соблюдения, но фактически их реальное поведение не соответствует этим нормам [6, с. 108].

Интерес к семье как объекту криминологического исследования обусловлен не только ее связью с преступностью несовершеннолетних. Не менее важным предметом исследования криминофамилистики выступает семейное насилие, которое может касаться как несовершеннолетних, так и взрослых членов семьи.

Под семейным насилием понимается «в какой бы то ни было форме выраженное принуждение конкретной личности, находящейся в единокровных, родственных или брачных отношениях с субъектом насилия» [7, с. 70]. В структуре семейного (семейно-бытового) насилия выделяют насилие физическое, психологическое, сексуальное и экономическое.

Причин возникновения насилия в брачно-семейных отношениях довольно много. Как показывают исследования, проведенные в этой сфере, наиболее актуальны алкоголизация и наркотизация населения, жилищные проблемы, неустойчивое социальное и финансовое положение семьи, неустроенность жизни, а также безнаказанность [7, с. 72–73]. Не отрицая важность указанных факторов, полагаем, что значимую роль в детерминации семейного насилия играют также личностные характеристики участников конфликта. Совершению преступлений в данной сфере способствуют, с одной стороны, деформация нравственного сознания того, кто применяет насилие и стремится таким способом доминировать, доказать свою власть над жертвой, а с другой – виктимность другого участника конфликта и его неспособность постоять за себя, дать отпор агрессивно настроенному супругу или родственнику. Виктимность такого рода может быть обусловлена возрастом, социальным или материальным положением либо психологическими особенностями личности.

Таким образом, неблагополучная семья является одной из главных причин преступности несовершеннолетних, способствует совершению насильственных и иных преступлений совершеннолетними членами семьи и должна быть в этой связи объектом криминологических исследований.

Криминогенность семьи определяется множеством факторов, среди которых алкоголизм, наркомания, безнравственность, безответственное отношение к воспитанию детей и иным семейным обязанностям. Своевре-

менное выявление неблагополучных семей и систематическая работа с ними должны стать основой профилактики преступности среди несовершеннолетних, основой предупреждения семейного насилия и иных преступлений, обусловленных семейными отношениями. При этом одним из направлений государственной политики Российской Федерации должно стать формирование социально благополучной семьи, для чего в российском обществе должны быть созданы все необходимые условия.

Список источников

1. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья – конфликт – преступление / Д.А. Шестаков. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 263 с.
2. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Криминофамилистика / Д.А. Шестаков. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 389 с.
3. Ибрагимова А.Р. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминогенного поведения несовершеннолетнего / А.Р. Ибрагимова // Вестник магистратуры. – 2022. – № 1-2 (124). – С. 21–23.
4. Вовк В.А. К вопросу об основных причинах формирования девиантного поведения несовершеннолетних на современном этапе / В.А. Вовк, А.Д. Черноскутова // Криминологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 105–108.
5. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – Москва : Юристь, 1996. – 336 с.
6. Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст / А.А. Реан // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4 (20). – С. 105–110.
7. Бадамшин И.Д. Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины / И.Д. Бадамшин, Ф.Ф. Набиев // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 2 (2). – С. 68–73.

References

1. Shestakov D.A. Family Criminology: Family – Conflict – Crime. Saint Petersburg University, 1996. 263 p.
2. Shestakov D.A. Family Criminology. Criminology. 2nd ed. Saint Petersburg, YUridicheskij centr Press Publ., 2003. 389 p.

3. Ibragimova A.R. Family Troubles as One of the Factors in the Formation of the Criminogenic Behavior of a Minor. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*, 2022, no. 1-2 (124), pp. 21–23. (In Russian).

4. Vovk V.A., Chernoskutova A.D. On the Question of the Main Reasons for the Formation of Deviant Behavior in Minors at the Present Stage. *Kriminologicheskij zhurnal = Criminological Journal*, 2021, no. 2, pp. 105–108. (In Russian).

5. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of the Offender and Investigation of Crimes. Moscow, YUrist" Publ., 1996. 336 p.

6. Rean A.A. Risk Factors of Deviant Behaviour in the Family Context. *Natsional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2015, no. 4 (20), pp. 105–110. (In Russian).

7. Badamshin I.D., Nabiev F.F. Family-Domestic Violence: Concept, Types, Causes. *Pravo: retrospektiva i perspektiva = Law: Retrospective and Perspective*, 2020, no. 2 (2), pp. 68–73. (In Russian).

Информация об авторе

Лифанова Марина Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета

Information about the Author

Lifanova Marina Vladislavovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 14.07.2022.

The article was submitted 09.06.2022; approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 14.07.2022.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья

УДК 343.13

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.9

Исаев Флюр Рифович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, isaev.flyur@mail.ru

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Примирение сторон является институтом уголовного процесса. В статье рассмотрены исторические предпосылки его возникновения, становления и развития от момента создания Древнерусского государства и до Октябрьской революции 1917 г. для понимания сущности и особенностей данного основания для прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовный процесс, прекращение уголовного дела, институт примирения сторон, примирение сторон в истории России

Для цитирования: Исаев Ф.Р. Примирение сторон по уголовному делу в дореволюционный период истории России / Ф.Р. Исаев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 61–66. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.9.

Original article

Isaev Flyur Rifovich

Bashkir State University, Ufa, Russia, isaev.flyur@mail.ru

CONCILIATION OF PARTIES IN A CRIMINAL CASE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD OF THE RUSSIAN HISTORY

Abstract. Conciliation of the parties is an institution of the criminal procedure. The article considers historical background of its appearance, formation

and development from the moment of creation of the Ancient Russian State until the October Revolution of 1917. to understand the essence and features of this ground for termination of criminal case.

Keywords: criminal procedure, termination of a criminal case, institution of conciliation of parties, conciliation of parties in the history of Russia

For citation: Isaev F.R. Conciliation of Parties in a Criminal Case in the Pre-Revolutionary Period of the Russian History. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2022, no. 3, pp. 61–66. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.9 (In Russian).

Примирение сторон как процессуальный институт появился в глубокой древности. Так, еще в римском праве была интересная юридическая процедура, именуемая мировой сделкой, которая представляла собой соглашение о взаимных уступках кредитора и должника. Применялся данный институт тогда, когда процесс затягивался и у кредитора появлялся риск неудовлетворения всего иска, в результате чего кредитор прибегал к примирению ради получения хотя бы части долга [1, с. 524]. Однако в истории российского права, из-за более позднего формирования Древнерусского государства, примирение сторон нашло свое отражение намного позже.

В период Киевской Руси правовые нормы существовали в виде одного акта – Русской Правды [2, с. 85]. Ввиду превалирования частного-искового вида процесса не было необходимости в нормативной регламентации примирения сторон.

В дальнейшем, с развитием государства и права, примирение сторон получило закрепление в Псковской судной грамоте (1397). В данном нормативно-правовом акте предусматривалась возможность завершить дело миром до начала судебного поединка (являющегося одной из форм разрешения дела) путем примирения лично либо через посредника. Эта норма было закреплена в ст. 37¹.

Что касается подробного изложения процедуры примирения, ее особенностей, то кроме упоминания в документе более ничего не содержится и не раскрывается, из чего можно сделать вывод о том, что правовая регламентация еще не достигла уровня, позволяющего детализировать данное основание для прекращения дела и уяснить его сущность.

Стоит заметить, что Псковская судная грамота, Судебник Ивана III (1497) и Соборное уложение (1649) не имели отраслевого деления норм, а

¹ Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480–1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 05.04.2022).

потому примирение сторон не имело, в сущности, особенностей, позволяющих выделять примирение сторон в уголовном и гражданском процессе.

Так, в Судебнике Ивана III примирение как правовой институт остался. Однако в силу ранее заложенных и поддерживающихся традиций примирение не применялось, если за преступление, например убийство, была предусмотрена смертная казнь¹. Подобное не практиковалось и в случаях совершения преступления лицом, ранее совершавшим противоправные деяния.

Еще жестче в отношении примирения сторон по уголовным делам был Судебник Ивана IV (1550)². Ввиду проводимой политики государства, направленной на жесткую регламентацию многих областей жизни, а также централизацию, за преступления против жизни, здоровья, против официальных символов государства и др. предусматривалась высшая мера наказания, что не предполагало возможности примирения, как и в ранее принятых актах. Это, на наш взгляд, логично, ибо государство, изначально возникшее из племенного общества, на раннем этапе развития стремится сохранить правовые установления прошлого и создать на их основе новые. Однако поступательное и неотвратимое развитие государства, усложнение структуры органов управления, укрепление власти и возвышение над остальным обществом приводит к попыткам все урегулировать максимально строго, дабы никто не посягал на полномочия государства и не мешал осуществлять карательную политику в отношении нарушителей. Это говорит о том, что стало превалировать мнение о потерпевшем обществе, а не отдельном человеке, то есть мнение и значение общества ставилось на более высокую ступень. В результате этого примирительные процедуры, активно использовавшиеся в обычном праве, в новой системе права остались на задворках.

Следующим актом, принятым в 1649 г., объединившим и переработавшим все ранее сложившиеся нормы права, стало Соборное уложение. К слову, Соборное уложение действовало в течение длительного периода – с 1649 до 1832 г., до принятия Свода законов Российской Империи. Соборное уложение также предусматривало примирение, при этом оно допускалось и до начала процесса. Однако, анализируя документ, можно заметить, что примирение упомянуто только в нормах о разбое и убийстве, устанавли-

¹ Судебник 1497 г. Ивана III [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA_1497_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 05.04.2022).

² Судебник Ивана IV [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/1016/sudebnik-ivana-iv/> (дата обращения: 05.04.2022).

вающих запрет на примирение истца и разбойника (ст. 31 гл. XXI)¹. То есть к 1649 г. за совершение преступления стало предусматриваться лишь наказание, а прекращение дел в связи с примирением стало редким. Это, безусловно, свидетельствует об установлении государством четкой связи «преступление – наказание» и подтверждает наш тезис о развитии государства и укреплении им своего положения.

«Преступление потеряло частный характер; оно признается поэтому нарушением общественного интереса; преследуется общественной властью и помимо жалобы или желания потерпевшего лица. Это одно из важнейших отличий между новой и старой эпохой уголовного права» – так данную ситуацию емко описал А.В. Лохвицкий – видный представитель российской уголовно-правовой доктрины [3, с. 266].

Следующим после Соборного уложения нормативным актом, предусматривающим примирение, можно назвать положение о Совестьных судах, которое расширило сферу действия примирения сторон, но для гражданского процесса [4, с. 2214]. Ввиду сохранения юридической силы Уложения 1649 г. для уголовного процесса единственными возможным окончанием разбирательства являлось назначение наказания либо прекращение дела на более ранних этапах расследования.

Примирение сторон из-за назревавших изменений получило свое урегулирование в новых нормативных актах. Так, император Александр II принял уставы различных видов судопроизводств, при этом разделив гражданский и уголовный процесс на самостоятельные виды. Новые уставы (можно сказать, процессуальные кодексы) регулировали в том числе и примирение сторон на довольно высоком уровне. Так, данному основанию прекращения дела в Уставе гражданского судопроизводства (1864) была посвящена целая глава – «О примирительном разбирательстве»².

В то же время, являясь самым значимым актом в сфере уголовного процесса в силу своей проработанности за весь дореволюционный период, Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864), и Устав уголовного судопроизводства (1864) имели ряд составов, предусматривающих возможность прекратить дело в связи с примирением сторон, в отличие от предшествующих нормативно-правовых актов.

Стоит заметить, что концепция наказания за преступления продолжала превалировать в новом нормативно-правовом акте. Поэтому примирение сторон предусматривалось за преступления, отнесенные уголовным и уго-

¹ Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/17/sobornoe-ulozhenie1649-goda/> (дата обращения: 06.04.2022).

² Устав гражданского судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/372592> (дата обращения: 06.04.2022).

ловно-процессуальным законом к делам частного обвинения, которые рассматривались мировыми судьями как наиболее легкие¹.

Так, примирение сторон, согласно Уставу уголовного судопроизводства (1864), являлось основанием для прекращения уголовного преследования. Главное условие – дело должно быть возбуждено по жалобе потерпевшего, а преступление не должно посягать на безопасность общества. Также можно отнести к условиям и то, что примирение должно быть совершено до исполнения приговора².

Примерами таких составов могут быть кража, преступление против чести и достоинства других лиц, присвоение чужого имущества между супругами, родителями и детьми. В то же время примирение сторон не позволяло прекратить расследование по оскорблению начальника подчиненным и оскорблению должностных лиц при исполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Как можно заметить, преступления, даже направленные против личности отдельного представителя государства, все равно не дозволялось прекращать примирением в силу направленности против государства в лице его представителя. К слову, современный УПК РФ в ст. 25 не содержит прямого запрета на прекращение дел по таким категориям, например, по оскорблению представителя власти (ст. 319 УК РФ), однако, исходя из логики современного нам закона, такие преступления не должны прекращаться как раз в силу объекта посягательства и публичного характера посягательства, хотя на практике такое случается.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что примирение сторон издавна присутствовало в российском уголовно-процессуальном законодательстве как основание для прекращения дела. До революции в силу своей специфики примирение сторон использовалось преимущественно в гражданско-правовой и в сфере торговых отношений. Это было обусловлено тем, что гражданско-правовые отношения являлись частноправовыми, что позволяло урегулировать отношения между людьми, не привлекая государство. В то же время в публично-правовой сфере, то есть в уголовно-процессуальной, примирение сторон было скорее исключением, чем правилом.

¹ Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/459972> (дата обращения: 06.04.2022).

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 06.04.2022).

Список источников

1. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник для вузов / Д.В. Дождев ; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – Москва : Норма, 2003. – 784 с.
2. Ефремова Н.Н. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) / Н.Н. Ефремова // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 84–90. URL: <http://gospravojournal.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-458/>.
3. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий. – Санкт-Петербург : Журн. М-ва юст., 1867. – 662 с.
4. Толочкова А.Н. Правовая традиция примирения: опыт России и некоторых стран Запада и Востока / А.Н. Толочкова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2212–2216.

References

1. Dozhdev D.V.; Nersesyan V.S. (ed.). Roman Private Law. Moscow, Norma Publ., 2003. 784 p.
2. Efremova N.N. Tradition of Reconciliation in History of a Common Law and the Legislation of Russia (the Pre-Revolutionary Period). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 7, pp. 84–90. Available at: <http://gospravojournal.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-458/>.
3. Lokhvitsky A.V. The Course of Russian Criminal Law. Saint Petersburg, 1867. 662 p.
4. Tolochkova A.N. Legal Tradition of Conciliation: Experience of Russia and Some Western and Eastern Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 10 (47), pp. 2212–2216. (In Russian).

Информация об авторе

Исаев Флюр Рифович –
аспирант Института права
Башкирского государственного
университета

Information about the Author

Isaev Flyur Rifovich –
Post-Graduate Student, Institute
of Law, Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 04.09.2022.

The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 04.09.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.10

Тарасов Александр Алексеевич

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, aatar@mail.ru

**ПРОФЕССОР ЗАРШАТ ДАВЛЕТШИНОВИЧ ЕНИКЕЕВ
ОБ ИСТИНЕ КАК ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. Профессор З.Д. Еникеев в течение всей своей научной деятельности активно отстаивал идею о том, что целью доказывания по уголовным делам является установление объективной истины. Этот вопрос по сей день вызывает самые острые дискуссии в науке уголовно-процессуального права и едва ли когда-нибудь перестанет быть актуальным. Вопрос об истине в уголовном процессе объективно связан с целым рядом других проблем, разработкой которых занимался З.Д. Еникеев.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание по уголовным делам, истина как цель доказывания, состязательность, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Тарасов А.А. Профессор Заршат Давлетшинович Еникеев об истине как цели доказывания в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 67–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.10.

Original article

Tarasov Alexander Alekseevich

Bashkir State University, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

**PROFESSOR ZARSHAT DAVLETSHINOVICH ENIKEEV
ABOUT TRUTH AS A GOAL OF PROOF
IN CRIMINAL PROCEDURE**

Abstract. Professor Z.D. Enikeev throughout all his scientific activity defended the idea that the purpose of evidence in criminal cases is to establish objective truth. This is the most controversial issue in criminal procedure up to the present day, and

it will always be relevant. The question of truth in criminal procedure is objectively related to a number of other problems developed by Z.D. Enikeev.

Keywords: criminal procedure, proof in criminal cases, truth as the purpose of proof, adversariality, principles of criminal procedure

For citation: Tarasov A.A. Professor Zarshat Davletshinovich Enikeev about truth as a goal of proof in criminal procedure. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 67–71. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.10 (In Russian).

Вопрос о цели доказывания в уголовном процессе, во-первых, всегда был предметом жарких дискуссий в отечественной уголовно-процессуальной науке; во-вторых, неизменно делил исследователей на два лагеря: выступающих за и против признания целью доказывания по уголовным делам установление объективной истины; в-третьих, объективно был связан с позицией авторов по многим другим актуальным проблемам уголовного процесса.

Профессор З.Д. Еникеев, как и автор настоящих строк, всегда относил себя к сторонникам признания объективной истины целью доказывания по уголовным делам, что предполагает всестороннее, полное и объективное исследование юридически значимых обстоятельств этих дел и принятие властных решений по ним только на основе достоверного знания об этих обстоятельствах. З.Д. Еникеев в публичных выступлениях на разных научных мероприятиях даже использовал свой авторский термин-неологизм для обозначения своих единомышленников по вопросу об истине в уголовном судопроизводстве – «истинщики».

Очередную волну эмоционального обсуждения вопроса об «уголовно-процессуальной истине» в специальной литературе с начала судебно-правовой реформы в России на рубеже XX и XXI столетий вызвали дискуссии по поводу другого принципа уголовного судопроизводства – состязательности. Не меньшее внимание к вопросу об истине привлекли споры и по поводу принципа презумпции невиновности. В этом не было тогда, как нет и сейчас, ничего удивительного: вопрос о цели доказывания – сердцевина всей деятельности по уголовным делам – так или иначе, касался практически всех проблем уголовно-процессуального права [1].

Вопрос о состязательности процесса в контексте истины как цели доказывания в уголовном процессе или, наоборот, вопрос об истине в уголовном процессе в контексте его состязательности вновь разделил ученых на несколько спорящих групп. Первая настаивает на том, что состязательность уголовного процесса – вовсе не его принцип, а лишь способ достоверного установления обстоятельств уголовного дела, то есть способ всестороннего,

полного и объективного их исследования, то есть способ установления истины. Вторая группа утверждает, что оба принципа процесса – состязательности и объективной истины – легко уживаются друг с другом в единой системе уголовного судопроизводства, ибо известно, что в споре рождается истина. С последним первая группа авторов, по существу, не спорит, просто расставляет приоритеты в публичном виде человеческой деятельности в пользу установления истины, допустимого разными способами, один из которых – создание условий для спора носителей противоположных правовых интересов, то есть для состязательности, которую совсем не обязательно считать самостоятельным принципом процесса.

З.Д. Еникеев в статье с красноречивым заголовком «Проблемы истины в свете принципа состязательности» [2] обратил внимание на необходимость настоять на значимости вопроса об истине как цели доказывания в новых условиях, при любых преобразованиях отечественного уголовного процесса, а также на то, что сложившаяся к этому времени практика применения УПК РФ обнаружила неожиданную тенденцию: проявление любой доказательственной активности суда – собирание доказательств по инициативе суда, то есть без ходатайства сторон любым способом, кроме назначения экспертизы, – Верховный Суд РФ признавал нарушением принципа состязательности и возложением на суд не свойственной ему функции какой-то из сторон. Разумеется, такое развитие событий не могло не смутить любого грамотного юриста, воспитанного советской юридической школой и имеющего опыт советской правоприменительной практики. Не могло это не смутить и приверженца признания объективной истины как цели доказывания по уголовным делам.

Здесь возникает несколько ключевых вопросов, на которые целесообразно ответить, абстрагируясь от идеологической составляющей учения об истине. Очевидная перегруженность спора об истине в уголовном процессе неюридическими понятиями и аргументами, прежде всего, идеологическими штампами и лозунгами отмечалась нами в прежних наших публикациях на основе анализа конкретных литературных источников [3; 4]. Все эти вопросы, так или иначе, ставятся и решаются всеми исследователями, озадачившимися проблемой истины в уголовном судопроизводстве. Здесь попытаемся ответить на один из них: столь ли уж обязательно считать суд исключительно пассивным наблюдателем в процессе исследования доказательств в судебном заседании?

Суд – это носитель властных полномочий, независимый орган публичной судебной власти, изначально созданный и существующий для того, чтобы ставить точку в любом социальном конфликте, ставшем предметом судебного разбирательства. Может ли такой властвующий субъект позволить кому-то из спорящих ввести себя в заблуждение? Очевидным представляется, что ни одно судебное решение не должно приниматься судом «всле-

пую», «на поводу» у любой из сторон. Справедливость и обоснованность судебного решения должна быть понятной любому «рассудительному и здравомыслящему человеку» [5, с. 189], как писал в 1910 г. И.Я. Фойницкий. Другое дело, что в силу презумпции невиновности, против которой в современном уголовном процессе открыто никто не возражает, во всяком случае в качестве основного правила, истина обвинительного приговора – это не то же самое, что истина приговора оправдательного.

Если для обеспечения истинности обвинительного приговора необходимо исключить все сомнения в виновности обвиняемого/подсудимого, то для обеспечения истинности оправдательного приговора достаточно не исключить хоть какое-то сомнение в его виновности, то есть не опровергнуть хотя бы один не фантастический довод защиты в пользу такой невиновности.

Должен ли судья, несущий ответственность за свое последнее слово в человеческом споре, полностью «самоизолироваться» от разрешения сомнений в виновности? Вправе ли он так поступить? Полагаем, что это невозможно и совсем не обязательно в условиях состязательности. Если судья исходит из незыблемого правила «не доказано – значит, невиновен», если он именно как судья непредвзято рассматривает дело и не считает преступником человека, сидящего на скамье подсудимых, до того, как вступит в законную силу приговор, который констатирует его виновность, то познавательная активность судьи – нормальное проявление его профессионализма.

Профессор З.Д. Еникеев прошел не просто советскую юридическую школу, он всю свою практическую деятельность набирался опыта обвинительной работы по уголовным делам. Тем более ценна приверженность Заршата Давлетшиновича общечеловеческим ценностям в уголовном правосудии, среди которых на первых местах стоят истина, то есть объективная правда, и справедливость в любом случае применения власти.

Список источников

1. Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О. Андреева, С. Лонь, А. Рукавишникова, Т. Трубникова // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 5–9.
2. Еникеев З.Д. Проблемы истины в свете состязательности уголовного процесса / З.Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3 (39). – С. 14–17.
3. Тарасов А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве / А.А. Тарасов // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии : материалы круглого стола, Москва, 13 нояб. 2003 г. / отв. ред. И.Ф.Демидов. – Москва : ТК Велби, Проспект, 2004. – С. 71–78.

4. Тарасов А.А. Идеологическая составляющая учения об истине в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : материалы конференции, 24–25 окт. 2019 г. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – С. 311–316.

5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.

References

1. Andreyeva O.I., Lon S.L., Rukavishnikova A.A., Trubnikova T.V. Vector of the Direction of Further Development of Criminal Legal Proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russian).

2. Enikeev Z.D. Problems of Truth in the Light of the Adversarial Nature of the Criminal Process. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2003, no. 3 (39), pp. 14–17. (In Russian).

3. Tarasov A.A. Once Again about the Truth in Criminal Proceedings. In Demidov I.F. (ed.). *New Russian Code of Criminal Procedure in Force. Materials of the Round Table*, Moscow, November 13, 2003. Moscow, TK Velby, Prospekt Publ., 2004, pp. 71–78. (In Russian).

4. Tarasov A.A. The Ideological Component of the Doctrine of Truth in the Criminal Procedure. In *The Nature of the Russian Criminal Process and the Principle of Competitiveness: on the 125th Anniversary of M.S. Strogovich. Conference Materials*, October 24–25, 2019. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 311–316. (In Russian).

5. Foinitsky I.Ya. *Course of Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1996. Vol. 2. 606 p.

Информация об авторе

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета

Information about the Author

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 10/09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 10/09.2022.

Научная статья

УДК 343.139

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.11

Халиков Аслям Наилевич¹, Хатыпов Рашид Нурлыевич²

¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, han010@yandex.ru

²Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа, Россия¹

ОГЛАШЕНИЕ В СУДЕ ПОКАЗАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье приводятся условия и конкретные ситуации оглашения в суде показаний лиц, допрошенных на этапе предварительного расследования – подсудимых (обвиняемых), свидетелей и потерпевших. При этом оглашение показаний возможно только при наличии согласия давших их лиц. В связи с этим предложено внести соответствующие изменения в УПК РФ с целью соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при оглашении в суде данных ими на предварительном следствии показаний.

Ключевые слова: допрос, обвиняемый, оглашение, показания, потерпевший, свидетель, судебное разбирательство

Для цитирования: Халиков А.Н. Оглашение в суде показаний, полученных на стадии предварительного расследования / А.Н. Халиков, Р.Н. Хатыпов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 72–78. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.11.

Original article

Khalikov Aslam Nailevich¹, Khatypov Rashid Nurlyevich²

¹Bashkir State University, Ufa, Russia, han010@yandex.ru

²Eastern Economics and Law Humanities Academy, Ufa, Russia

DISCLOSURE OF EVIDENCE IN COURT OBTAINED AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. The article describes the conditions and specific situations when the testimony of persons questioned during the preliminary investigation is read out in court – defendants (accused), witnesses and victims. The testimony may

be read out only with the consent of the persons who gave it. In this connection, it is proposed to introduce appropriate amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation so that the rights and freedoms of participants in criminal proceedings are respected when the disclosure in court does not contradict the will of the previously interrogated persons.

Keywords: interrogation, accused, disclosure, testimony, victim, witness, trial

For citation: Khalikov A.N., Khatypov R.N. Disclosure of Evidence in Court Obtained at the Stage of Preliminary Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2022, no. 3, pp. 72–78. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.11 (In Russian).

Одним из основных условий судебного разбирательства является непосредственность исследования доказательств по уголовному делу, что предусмотрено ст. 240 УПК РФ. Вместе с тем в данной норме отдельно предусмотрена возможность оглашения в суде показаний участников уголовного судопроизводства, полученных при производстве предварительного расследования. Тем самым закон при исследовании судом доказательств выделяет показания участников процесса, полученные на этапе досудебного производства, и доказательства, которые дают участники уголовного судопроизводства. Соответственно, возникает вопрос о степени непосредственного исследования показаний участников уголовного дела в суде при использовании (читай – оглашении) показаний, которые были получены до судебного производства. Иными словами, проблема заключается в том, будет ли в данном случае действовать одно из основных условий судебного разбирательства дела – непосредственное исследование доказательств, когда сторона защиты или обвинения оглашает показания обвиняемого (подозреваемого), свидетеля или потерпевшего, данные ими в период досудебного производства?

Закон предусматривает ряд случаев, когда оглашение показаний, данных на этапе предварительного расследования, возможно. В частности, согласно ст. 276 УПК РФ *оглашение показаний подсудимого* возможно:

1) при наличии существенных противоречий между показаниями, данными им в ходе предварительного расследования и в суде, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (при отсутствии защитника);

2) когда уголовное дело в соответствии с ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ рассматривается в отсутствие подсудимого;

3) в случае отказа от дачи показаний, если соблюдены требования п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (предупреждение обвиняемого об использовании доказательств).

Оглашение показаний потерпевшего или свидетеля, согласно ст. 281 УПК РФ, в суде возможно в случаях:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;
- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;
- 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;
- 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд;
- 5) если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным;
- 6) отказа потерпевшего или свидетеля от дачи показаний в суде;
- 7) при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде.

Как видим, существует общая логика процесса, когда возможно оглашение в суде показаний подсудимых, свидетелей и потерпевших, которые по различным причинам отсутствуют, и законодатель признает такое отсутствие допустимым поводом для оглашения показаний. Другой уважительной причиной оглашения в суде показаний являются противоречия между ранее данными (в ходе дознания или предварительного следствия) и последующими показаниями (в суде) либо отказ от дачи показаний.

Прежде чем мы коснемся проблемных моментов исследуемой темы, следует указать на общую характеристику и оценку оглашения в суде показаний участников процесса.

Любые показания, образно говоря, являются собственностью человека (гражданина), которую он передал добровольно правоохранным органам в виде отражения определенных фактических обстоятельств, им ранее воспринятых. Причем с психологических позиций мы здесь должны определить, что имело место нормальное состояние органов чувств человека, сознательное восприятие, запоминание и затем свободное воспроизведение. То есть допрашиваемое лицо было не в болезненном состоянии, отсутствовали психические и физические недостатки, которые могли негативно повлиять на запоминание и последующую передачу сведений правоохранным органам. Тем самым характеристика показаний на этапе предварительного расследования, которые впоследствии могут быть оглашены в суде, не должна вызывать сомнений по своей физической и психологической природе.

Другим проблемным моментом является правовая характеристика дачи показаний, что означает добровольность и соблюдение формальных юридических правил их получения. Как известно, добровольность означает,

что участник процесса без психологического (и тем более физического) принуждения дает показания правоохранительным органам. В этом проявляется сущность гарантий прав участника уголовного судопроизводства, степень их свободы, когда показания лица соответствуют, с одной стороны, отраженной в его сознании фактической информации, а с другой стороны, выражают его волю на предоставление такой информации. Положения уголовного судопроизводства, регламентирующие правила допроса обвиняемого и подозреваемого, свидетеля и потерпевшего на этапе досудебного производства, несомненно, гарантируют соблюдение прав и свобод человека при его допросе.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, еще раз определим, что оглашение в суде показаний, данных на предварительном следствии, возможно при отсутствии допрашиваемого и при наличии существенных противоречий с ранее данными показаниями либо в случае отказа от дачи показаний.

При отсутствии лица в суде могут возникать определенные сложности, которые, на наш взгляд, не всегда допускают возможность оглашения его показаний в суде. В первую очередь это неясные обстоятельства, в связи с которыми лицо не явилось по вызову на судебное заседание. Такие причины, как тяжелая болезнь, стихийные бедствия либо неустановление местонахождения лица, должны быть в суде досконально установлены, чтобы не было повода сомневаться в искусственном создании подобных обстоятельств со стороны органов обвинения или защиты. Любые сомнения в наличии перечисленных обстоятельств при отсутствии соглашения сторон обвинения и защиты по оглашению показаний должны исключать подобное оглашение.

Самыми проблематичными в ходе судебного разбирательства уголовного дела являются случаи оглашения показаний подсудимого, свидетеля или потерпевшего в присутствии последних. То есть когда названные лица дали в суде исчерпывающие показания, ответили на все вопросы суда, государственного обвинителя и адвокатов, однако в силу возникших противоречий с их показаниями, данными на этапе предварительного расследования, следует оглашение показаний из материалов уголовного дела.

В данном случае возможны две различные позиции участников уголовного процесса.

Первая – согласие с оглашением в связи с истечением значительного периода времени со дня происшествия или дачи показаний при допросе, потому что некоторые подробности дела, даты, названия каких-либо объектов и т. д. забылись. То есть допрашиваемое в суде лицо полностью согласно с ранее данными показаниями, полученными исключительно законным пу-

тем и добровольно, не имеет сомнений в их истинности и не возражает против их оглашения полностью либо в части.

Вторая позиция – категорическое несогласие с оглашением показаний в связи с совершением при допросе на стадии предварительного расследования незаконных действий следователем, оперативными работниками, адвокатом или иными лицами, когда лицо было вынуждено дать не соответствующие фактам показания либо подписать заранее подготовленный текст показаний. Описываемые ситуации типичны для судебного разбирательства, в особенности когда представитель государственного обвинения настаивает на оглашении показаний, а обвиняемый (реже – свидетель или потерпевший) выступает против оглашения, утверждая, что показания были получены различными незаконными способами.

Для наглядности можно привести некоторые способы незаконного получения показаний. По отношению к обвиняемому – присутствие на допросе недобросовестного адвоката по назначению, когда перед самым допросом обвиняемый либо подозреваемый были подвергнуты интенсивному психологическому или физическому воздействию со стороны следователей или оперативных работников. Могло иметь место введение в заблуждение обвиняемого, запугивание неблагоприятными последствиями при отказе его от дачи нужных показаний, запугивание неблагоприятными последствиями в отношении родственников и близких лиц. Как правило, адвокат по назначению (а это до 80 % уголовных дел) не проводит предварительных бесед, не выясняет позицию подзащитного, а значит, фактически имеет место нарушение права на защиту. Все эти незаконные действия, а нередко и фактически пытки приводят к тому, что обвиняемый (подозреваемый) дает признательные показания в совершении им преступления. По отношению же к свидетелю могут применяться те же незаконные приемы ведения расследования, тем более когда показания свидетеля могут быть получены без участия адвоката. И более того, свидетель может даже не знать, что он имеет право на участие адвоката при его допросе.

В результате злоупотреблений, допускаемых на этапе предварительного следствия, возникают противоречия в показаниях, и принимается решение об оглашении ранее данных показаний. При этом оглашение показаний вряд ли можно считать доказательствами, полученными и исследуемыми в суде, поскольку речь идет о доказательствах, которые «собраны, проверены и оценены» на этапе досудебного производства, но получение которых законным путем отрицает сам допрашиваемый. Причем суд, с учетом традиционного обвинительного уклона, как правило, принимает за основу не показания, данные в суде, а показания, полученные на стадии предвари-

ного следствия или дознания, несмотря на аргументы допрашиваемых лиц о незаконности их получения.

К сожалению, опасности перечисленных и иных подобных ситуаций типичны для нашей судебной системы, они ведут к незаконным признательным показаниям обвиняемых в процессе расследования дела, к судебным ошибкам, привлечению к уголовной ответственности невиновных, отсутствию доказательств виновности подсудимых, а затем осужденных лиц.

В соответствии с изложенными проблемными ситуациями и необходимостью соблюдения прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, следует в УПК РФ ввести два основных правила при оглашении в суде показаний ранее допрошенных лиц:

1) при отсутствии лица (подсудимого, свидетеля, потерпевшего) на судебном разбирательстве уголовного дела по перечисленным ранее уважительным причинам его показания могут быть оглашены только в том случае, если от него не поступило ходатайство о запрете подобного оглашения ввиду приводимых конкретных доводов о незаконных способах получения таких показаний должностными лицами правоохранительных органов;

2) при присутствии лица (подсудимого, свидетеля, потерпевшего) в суде и при даче им в ходе судебного разбирательства полных показаний с ответами на все заданные сторонами вопросы данные им ранее показания могут быть оглашены, а следовательно, использованы в качестве доказательств только с его разрешения.

И наконец, в третьем варианте, когда лицо (подсудимый, свидетель, потерпевший) отказывается давать показания в суде, после предупреждения его об оглашении показаний его показания могут быть оглашены в суде.

В определенном смысле в данном случае мы говорим об уголовно-процессуальных санкциях, то есть юридической ответственности при нарушении прав и интересов участников уголовного процесса в случае использования незаконных способов получения показаний. Причем это могут быть как обвиняемые и подозреваемые, так и потерпевшие и свидетели. Запрет на оглашение данных ими показаний при неясности обстоятельств их получения или прямых доказательствах незаконности получения таких показаний может стать эффективной мерой против незаконных действий отдельных следственных и оперативных работников правоохранительных органов в процессе расследования уголовного дела. Более того, в определенной мере такие уголовно-процессуальные санкции корреспондируются с последними редакциями ст. 286 и 302 УК РФ, значительно усилившими уголовно-правовую ответственность за физическое воздействие и пытки в отношении граждан должностными лицами правоохранительных органов, в том числе в период расследования уголовного дела.

Информация об авторах

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета;

Хатыпов Рашид Нурлыевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии

Information about the Authors

Khalikov Aslam Nailevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University;

Khatypov Rashid Nurlyevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Law, Eastern Economics and Law Humanities Academy

Статья поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.12

Шарипова Алия Рашитовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

nord-wind23@mail.ru

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ АНАЛОГИИ

Аннотация. Проблемы применения мер пресечения были и остаются актуальными для науки и практики уголовного процесса. На примере взглядов З.Д. Еникеева, высказанных им около 30 лет назад, в статье прослеживается эволюция нормативного регулирования и правоприменительных позиций относительно избрания наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу. Несмотря на принятие УПК 2001 г. и распространение международных стандартов правосудия на отечественный уголовный процесс, до сих пор сохраняются проблемы соотношения применения мер пресечения с принципом презумпции невиновности, что особенно заметно на контрасте с обеспечительными мерами, принимаемыми в гражданском судебном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, презумпция невиновности, правосудие

Для цитирования: Шарипова А.Р. Индивидуализация применения мер пресечения: старые проблемы и новые аналогии / А.Р. Шарипова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 79–84. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.12.

Sharipova Aliya Rashitovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

INDIVIDUALIZATION OF THE PREVENTIVE MEASURES APPLICATION: OLD PROBLEMS AND NEW ANALOGIES

Abstract. The problems of applying preventive measures are relevant for the science and practice of the criminal procedure. Based on Z.D. Enikeev's opinion, expressed about 30 years ago, the author observes the evolution of normative regulation and law enforcement positions regarding the choice of the most severe measure of restraint – detention. Despite the adoption of the Code of Criminal Procedure of 2001 and the extension of international standards of justice to the domestic criminal procedure, there are still problems relating to the application of preventive measures to the principle of the presumption of innocence. This is particularly evident in contrast to the interim measures taken in a civil lawsuit.

Keywords: criminal procedure, preventive measures, detention, presumption of innocence, justice

For citation: Sharipova A.R. Individualization of the Preventive Measures Application: Old Problems and New Analogies. *Vestnik Instituta prava Bashkirkogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 79–84. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.12 (In Russian).

Одним из основоположников современной теории мер уголовно-процессуального принуждения был доктор юридических наук, профессор З.Д. Еникеев. В своих работах он проанализировал и обобщил состояние уголовно-процессуального законодательства – советского и российского, и опыт его применения, в том числе собственный.

С начала 1990-х годов, когда З.Д. Еникеев защитил докторскую диссертацию, посвященную мерам пресечения, ученые развили эту тему, в том числе на монографическом уровне: Д.А. Долгушин (2010), О.Г. Иванова (2019), Н.И. Капинус (2001), Н.Г. Нарбикова (2005), Н.А. Симагина (2020) и др. Однако многие разработанные профессором З.Д. Еникевым теоретические положения остаются актуальными, несмотря даже на весьма серьезное реформирование мер пресечения, состоявшееся при принятии УПК 2001 г. Так, в статье «Индивидуализация применения мер пресечения», опубликованной еще в 1994 г., З.Д. Еникеев выделил 4 критерия их применения: целевая

оправданность, соразмерность действительной необходимости, соответствие тяжести совершенного преступления, согласованность со специальными условиями применения. Общий вывод связан с обязательным индивидуальным подходом к применению мер пресечения и их выбору, недопустимостью «автоматических» решений [1].

Несмотря на то что вопросы о применении наиболее серьезно ограничивающих права и свободы человека мер пресечения по действующему УПК решаются судом, это вовсе не стало гарантией индивидуального подхода.

Приведем лишь один частный пример, который, однако же, тиражируется практически во всех уголовных делах. Совокупность норм ст. 299, 308 и 313 УПК РФ обязывает суд при постановлении обвинительного приговора решить вопрос о мере пресечения в отношении осужденного. Оставим за скобками то, что суд делает этого как бы по своей инициативе, предположим, что законодателем в формулу поведения государственного обвинителя заложено желание обеспечить исполнение приговора настолько, что нет необходимости выяснять, присутствует ли это желание в каждом конкретном случае (иначе придется предположить, что перед судом поставлена не свойственная ему задача доведения собственного решения до исполнения). Главное в другом: по всем делам (исключения в пределах статистической погрешности и только по самым резонансным делам), по которым осужденному назначено лишение свободы с отбыванием в исправительном учреждении, кроме колонии-поселения, до вступления приговора в силу судом ему избирается в качестве меры пресечения заключение под стражу¹. Фактически это произвольное лишение человека свободы, нарушающее целый комплекс международных и конституционных норм, оправдываемое требованием обеспечения исполнения приговора и являющееся в действительности самым его досрочным исполнением. В гражданском, арбитражном и административном процессах нет даже сопоставимой статистики, поскольку появление не вступившего в законную силу решения ничего не меняет в сравнении с его отсутствием. Как правило, обеспечительные меры (в том числе обоснованные невозможностью исполнения судебного акта в будущем в случае удовлетворения им требований истца) действуют не до вынесения окончательного судебного акта судом первой инстанции, а до вступления его в силу. Это не препятствует первичному их принятию уже после вынесения такого акта, но не дает тому никаких дополнительных оснований.

Многочисленные отличия регламентации и практики применения в целом сходных (аналогичных или даже универсальных) институтов уголовно-процессуального права, с одной стороны, и гражданского процессуально-

¹ Правоприменительная практика об избрании меры пресечения одновременно с вынесением обвинительного приговора детально разобрана в серии статей [2; 3; 4].

го, арбитражного процессуального, административного процессуального права – с другой, препятствуют системности судебно-процессуального права и, как правило, обнажают проблемы уголовного процесса. Так, чрезмерная относительно гражданского процесса распространенность применения мер пресечения в отношении «ответчика» (обвиняемого) является одним из проявлений обвинительного уклона в деятельности суда.

В настоящее время далеко не все ученые разделяют точку зрения о близости правовой природы мер процессуального принуждения уголовному преследованию. Так, А.А. Тарасов, защищая презумпцию невиновности, критикует употребление терминов «уголовно ответственные лица» и «меры уголовно-правового воздействия» в контексте рассуждений о мерах процессуального принуждения в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию, но еще не осужденных [5].

Но если предположить, что ядро мер принуждения – меры пресечения, и крайняя (то есть наиболее строгая) из них – заключение под стражу – имеют своей целью не преследование лица, предположительно совершившего преступление, а только обеспечение сохранности доказательств, возможности подвергнуть упомянутое лицо суду, безопасности других участников процесса, то почему ничего подобного указанным мерам нет в других процессуальных отраслях? Разве в арбитражном процессе заинтересованное лицо (причем и истец, и ответчик) не может уничтожить доказательства? Разве в административном деле лицо, привлекаемое к ответственности, не может скрыться от суда? Разве в гражданском деле (например, о расторжении брака и определении места жительства детей) одна из сторон не может угрожать безопасности другой? Но почему-то все остальные процессуальные отрасли ограничиваются в рамках обеспечения максимум «запретом совершать определенные действия» и ничего напоминающего уголовно-процессуальные меры пресечения не содержат.

Предсказуемо нам могут возразить, что уголовный процесс имеет дело с существенно более опасными деяниями, чем любой другой, поэтому и средства у него должны быть соответствующими. Неслучайно и наличие у мер пресечения специфического основания – достаточных данных полагать, что обвиняемый, подозреваемый может продолжать заниматься преступной деятельностью. Однако ею заниматься может не только центральный участник стороны защиты по уголовному делу, но и масса других лиц, по отношению к которым с предупреждением совершения преступлений государство не менее эффективно справляется при помощи оперативно-разыскных мер. Преступной деятельностью, к слову, может заниматься и участник гражданского и арбитражного процесса, однако характера обеспечительных мер по гражданским или арбитражным делам с его участием это не изменит.

Несмотря на существенные различия между уголовным процессом, с одной стороны, и гражданским, арбитражным и административным – с другой, последние имеют большой ресурс как для познавательного сопоставления, так и для прагматического заимствования.

Список источников

1. Еникеев З.Д. Индивидуализация применения мер пресечения / З.Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 1994. – № 1 (3). – С. 63–67.
2. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности / В.А. Филатьев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 124–132.
3. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: мера пресечения или обращение наказания к исполнению / В.А. Филатьев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 141–149.
4. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: о немедленном исполнении и безотлагательном обжаловании / В.А. Филатьев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 168–178.
5. Тарасов А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности / А.А. Тарасов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 37–42.

References

1. Enikeev Z.D. Individualization of the Preventive Measures Application. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 1994, no. 1 (3), pp. 63–67. (In Russian).
2. Filatyev VA. Remand in Custody as Part of a Sentence: Problem of Determination. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 124–132. (In Russian).
3. Filatyev VA. Remand in Custody as Part of a Sentence: A Restrictive Measure or Presentation of the Sentence for Execution. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 141–149. (In Russian).
4. Filatyev VA. Detention Decision as Part of a Sentence: Immediate Execution and Urgent Appeal. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 168–178. (In Russian).

5. Tarasov A.A. Grounds for Procedural Coercion and the Presumption of Innocence. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 5, pp. 37–42. (In Russian).

Информация об авторе

Шарипова Алия Рашитовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Института права
Башкирского государственного
университета

Information about the Author

Sharipova Aliya Rashitovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law,
Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 21.07.2022.

The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 21.07.2022.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.13

**Демидова Татьяна Константиновна^{1, 2}, Тулупова Елена Олеговна^{1, 3},
Хоменко Виолетта Дмитриевна⁴**

¹Башкирский государственный университет», Уфа, Россия,

²dtatyana12@yandex.ru

³lena118@yandex.ru

⁴Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
letta.03@yandex.ru

**МИССИИ ОБСЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
КОНФЛИКТОВ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ МИССИИ ОБСЕ В КОСОВО)**

Аннотация. В современных международных отношениях вопросы безопасности стабильно стоят на повестке дня. Одной из основных причин нестабильности в различных регионах мира являются региональные конфликты. Пространство ОБСЕ не исключение. Косово, Приднестровье, Украина – основные затяжные конфликты в Восточной Европе, в каждом из которых присутствует или присутствовала соответствующая миссия ОБСЕ. Но какую роль играют эти миссии, есть ли в них реальный смысл и реальная польза? Проведенный в статье анализ позволил, опираясь на представленные данные, дать ответы на эти вопросы.

Ключевые слова: ОБСЕ, Миссия в Косово, косовский конфликт

Для цитирования: Демидова Т.К. Миссии ОБСЕ как средство предупреждения конфликтов и урегулирования кризисных ситуаций (на примере Миссии ОБСЕ в Косово) / Т.К. Демидова, Е.О. Тулупова, В.Д. Хоменко // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 85–90. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.13.

**Demidova Tatyana Konstantinovna^{1, 2}, Tulupova Elena Olegovna^{1, 3},
Khomenko Violetta Dmitrievna⁴**

¹Bashkir State University, Ufa, Russia

²dtatyana12@yandex.ru

³lena118@yandex.ru

⁴Kazan Federal University, Kazan, Russia, letta.03@yandex.ru

OSCE MISSIONS AS A TOOL FOR CONFLICT PREVENTION AND CRISIS MANAGEMENT (THE EXAMPLE OF THE OSCE MISSION IN KOSOVO)

Abstract. In modern international relations, security issues are consistently at the top of the agenda, and regional conflicts are one of the main causes of instability in various regions of the world. The OSCE is not an exception. Kosovo, Transnistria, Ukraine are the main conflicts in Eastern Europe, in each of which there is or was OSCE mission. But what role do these missions play, and are they really meaningful and sustainable? The analysis conducted in the article will, on the basis of the presented data, give answers to these questions.

Keywords: OSCE, Mission in Kosovo, Kosovo conflict

For citation: Demidova T.K., Tulupova E.O., Khomenko V.D. OSCE Missions as a Tool for Conflict Prevention and Crisis Management (on the Example of the OSCE Mission in Kosovo). *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 3, pp. 85–90. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.13 (In Russian).

Основная форма работы ОБСЕ – миссии и другие представительства Организации в тех или иных регионах. Миссии направляются в страны, нуждающиеся, по мнению ОБСЕ, в помощи для реализации политических решений. Большая часть сотрудников Организации работают в Восточной и Юго-Восточной Европе, Центральной Азии и на Южном Кавказе. Для каждой миссии разрабатывается мандат, который согласовывается со странами-участницами. Миссии учреждаются только с согласия принимающей страны.

Стоит отметить, что сотрудники ОБСЕ не действуют обособленно. Они налаживают партнерские связи со многими институтами государства: с административными органами, объединениями гражданского общества, учреждениями и ведомствами местного и общенационального уровня, международными организациями и т. д. Такие крепкие партнерские отношения

позволяют координировать усилия как самой миссии, так и государственных органов и учреждений, обеспечивать взаимодополняемость и взаимопомощь, повышать отдачу обеих сторон в тех направлениях деятельности, которые предполагают их совместную работу.

В последние годы наиболее пристальное внимание ОБСЕ уделяет странам Юго-Восточной Европы. Рассмотрим деятельность миссии ОБСЕ на конкретном примере.

Миссия в Косово – одна из крупнейших операций ОБСЕ. Спектр ее деятельности разнороден. Он включает и работу по развитию демократических институтов, и расширение участия населения в процессе принятия государственных решений, и соблюдение прав человека, и обеспечение верховенства закона. Особое внимание уделяется таким направлениям, как защита прав общин, наблюдение за деятельностью судебных органов, проведение реформы местного самоуправления, развитие независимых институтов Косово (Независимая комиссия по СМИ, полицейская служба Косово, омбудсмен Косово, Судебный институт Косово и Центральная избирательная комиссия)¹. Более того, Миссия следит за деятельностью учреждений и вносит дополнительный вклад в работу по укреплению законодательной базы Косово, оказывает помощь в борьбе с гендерным неравенством и дискриминацией, продвигает свободу мнений и их выражения и, наконец, содействует в борьбе с организованной преступностью.

На сегодняшний день проблемы региона постепенно решаются, хотя предпринятые действия трудно назвать активными. Постоянный представитель Российской Федерации при ОБСЕ А.К. Лукашевич 15 октября 2020 г. заявил: «Очередная смена лиц в так называемом "правительстве" Косово не привела к корректировке обструкционистского курса Приштины в диалоге с Белградом. Разве что в очередной раз продемонстрировала сервильную зависимость косово-албанской верхушки от США, чьи интересы на Западных Балканах она на деле и обслуживает»². По результатам наблюдения Миссии видно, что, несмотря на смену так называемого «кабинета министров», Косово продолжает действовать с ориентацией на интересы косово-албанской элиты. Такое положение дел представляет угрозу возобновившемуся диалогу Белград – Приштина под эгидой Евросоюза.

¹ ОБСЕ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/where-we-are> (дата обращения: 07.08.2022).

² А.К. Лукашевич к отчету главы Миссии ОБСЕ в Косово, 15 октября 2020 г. // Постоянное Представительство Российской Федерации при ОБСЕ в Вене : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://osce.mid.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

Наиболее важными шагами являются установление открытого и продуктивного диалога, выполнение сторонами своих обязательств (в первую очередь это касается представителей Приштины, которые на протяжении уже нескольких лет отказываются обсуждать создание Сообщества сербских муниципалитетов Косово), также необходимо стимулировать работу Специального суда по расследованию преступлений «освободительной армии Косово».

Однако в свете последних событий, обострения не только Косовского, но и ряда других конфликтов на пространстве ОБСЕ, урегулирование кризиса представляется крайне сложной задачей, решение которой в краткосрочной перспективе не представляется возможным. «Приштинский режим пытается выставить себя в качестве жертвы, воспользоваться ситуацией в мире, чтобы разыграть карту угрозы со стороны "мини-Путина", а сам Курти примеряет роль Зеленского, – заявил А. Вучич, действующий президент Сербии. – Думаю, что мы никогда не были в более сложной и тяжелой ситуации, чем сегодня»¹. Обострение конфликта вызвали заявления Приштины о прекращении действия сербских документов и автомобильных номеров на территории Косово с 1 августа 2022 г. И хотя дату уже перенесли на месяц (решение вступит в силу с 1 сентября), ситуация остается напряженной, присутствует риск начала вооруженных столкновений. Так, 1 августа полиция Косово открыла огонь по этническим сербам на севере в деревне Банье, расположенной близ границ.

На встрече с генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом А. Вучич возложил ответственность за обострение конфликта на косовскую сторону и заявил о своей непричастности к событиям 1 августа. Однако на фоне происходящих в регионе и мире процессов заявления Сербии о возможной «денацификации Балкан» вызывают тревогу. Сегодня ситуация в приграничной зоне стабилизирована, но нет никаких гарантий, что конфликт не перейдет в фазу открытых столкновений после 1 сентября.

Как и любые процессы на мировой арене, конфликты представляют собой сборную солянку интересов различных групп и государств, которые не всегда являются непосредственными участниками событий. Так, в обострении ситуации в Косово сыграли роль не только внутренние этнические противоречия сербов и албанцев, но и обострение отношений таких ведущих держав, как Россия и США, Китай и США. Косово поддерживается Америкой и рядом ее ближайших союзников. Основная масса государств, признавших независимость Приштины, расположена на территории Евросоюза, а также

¹ Косово и Сербия находятся на грани военного конфликта. Что важно знать [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2022/62e6c69f9a79477b112237e3> (дата обращения: 07.08.2022).

это США. В то время как официальное правительство Белграда поддерживается российской стороной, которая призывает к мирному решению конфликта и не признает независимость Косово. С такой же позицией выступает и Китай, у которого уже имеются устоявшиеся военно-технические и экономические отношения с Сербией (в феврале страны заявили о готовности к подписанию соглашения о создании зоны свободной торговли, также между ними уже действует прямое авиасообщение). На фоне процессов, происходящих вокруг Тайваня, вызванных посещением острова конгрессвумен Н. Пелоси, обострение ситуации в Косово логично вписывается в динамику развития международных отношений последних месяцев.

Говоря непосредственно о роли миссии ОБСЕ в Косово, стоит отметить, что со своей основной задачей – не допустить эскалации конфликта – она не справляется. С такими же проблемами столкнулась и Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ на Украине. Миссии и присутствия ОБСЕ являются реальным инструментом решения многих споров, однако они не всегда могут быть успешными, что обуславливается рядом причин. Как мы смогли убедиться, миссии ОБСЕ довольно продолжительны и во многом выполняют исключительно наблюдательную функцию, что вызывает определенные трудности при урегулировании кризисной ситуации. Представители ОБСЕ взаимодействуют с местной властью и простыми жителями, что позволяет получать более объективную картину ситуации путем сравнения результатов всей работы, проведенной во многих сферах. Но это не меняет того, что Организация не способна самостоятельно повлиять на ход разрешения конфликта.

Мы считаем, что решение данной проблемы можно найти в реформации ОБСЕ. Во-первых, необходимы реформы международно-правового характера. Так, ОБСЕ не имеет своего устава, что значительно затрудняет определение ее места в мировой структуре, и, что не менее важно, решения Организации не носят обязательный характер. Придание решениям ОБСЕ такого статуса поспособствует установлению принципа равенства, придаст международно-правовой и политический авторитет. Во-вторых, требуются изменения по конкретным направлениям деятельности ОБСЕ. Сегодня Организация во многом фокусируется исключительно на территории Восточной Европы, ОБСЕ стоит переключиться на всю территорию Европы и обратить внимание на нарастающие проблемы в Северной Ирландии, Каталонии, Фландрии и др. Однако подобные меры немыслимы и невозможны без воли государств – членов ОБСЕ, поэтому первым шагом должен стать отход государств от бокового однофакторного мышления.

Информация об авторах**Information about the Authors**

Демидова Татьяна Константиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета;

Demidova Tatyana Konstantinovna – Candidate of Sciences (Politics), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations, Bashkir State University;

Тулупова Елена Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета;

Tulupova Elena Olegovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Bashkir State University;

Хоменко Виолетта Дмитриевна – лаборант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета

Khomenko Violetta Dmitrievna – Department Assistant of the Department of International Relations, World Politics and Foreign Regional Studies, Kazan Federal University

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 11.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 11.09.2022.

РЕЦЕНЗИИ**REVIEWS**

Рецензия

УДК 342.156

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.15.14

Байкеева Светлана Евгеньевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
baykeeva_sveta@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию А.Л. Бредихина

«Суверенитет как политико-правовой феномен»

(Москва : ИНФРА-М, 2020. – 128 с.)

Review

Baykeeva Svetlana Evgenievna

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation, Saint Petersburg, Russia, baykeeva_sveta@mail.ru

REVIEW

**of A.L. Bredikhin's monograph «Sovereignty as a Political and Legal
Phenomenon» (Moscow : INFRA-M, 2020. – 128 p.)**

Актуальность рецензируемого научного исследования [1] не вызывает сомнений и в полной мере обоснована автором. Полагаю, что события в Афганистане, Ираке, на постсоветском пространстве, волна революций на Востоке доказали, что проблема суверенитета как политико-правового феномена стоит сегодня во главе угла самоопределения народов и существования конкретных государственных образований.

Суверенитет по своей сути является политико-правовой категорией. Это обстоятельство определяет как специфику суверенитета в сравнении с

иными признаками государства, так и вызывает сложности его научного исследования. Существует лишь незначительное количество работ, в которых суверенитет рассматривается как комплексный политико-правовой институт. В основном преобладает односторонний юридический подход к пониманию суверенитета, без учета его политических оснований. Рецензируемое исследование призвано восполнить данный пробел.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, представленных в монографии А.Л. Бредихина, подтверждается тем, что автором проанализировано значительное количество нормативной и научной юридической литературы, в том числе публикации в периодической печати.

Научная новизна монографии состоит в том, что автор анализирует суверенитет как политико-юридическую категорию, проводит политико-правовой анализ различных проявлений государственного суверенитета.

В первой главе А.Л. Бредихин анализирует научные взгляды ученых прошлого и современности о сущности государственного суверенитета и отмечает, что до настоящего времени не сложилось единого понимания по данному вопросу. В современной науке также существует множество часто противоречащих друг другу подходов и определений суверенитета. На основе проведенного анализа предлагается авторское определение суверенитета, обладающее высокой степенью научной новизны. Заслуживающим внимание является выделение исследователем категории принципов суверенитета и их политико-правовой анализ.

Достаточно оригинальным и обоснованным следует признать анализ категорий «носитель суверенитета» и «источник суверенитета» и выработку критериев разграничения указанных понятий.

Во второй главе исследуется политическое содержание и юридическая форма суверенитета. Автор проводит анализ политической и юридической стороны суверенитета обособленно и предлагает определения обозначенных понятий.

Политический суверенитет, по мнению А.Л. Бредихина, означает реальную обеспеченность политической власти, господствующей в границах определенного государства, материальными и идеальными ресурсами, что позволяет самостоятельно формировать свою волю и выражать ее в правовых нормах.

Юридический суверенитет представляет собой внешнее формальное закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти.

Оригинальными являются определения политического и юридического суверенитета, показано их диалектическое взаимодействие и взаимовлияние.

В третьей главе исследуются отдельные аспекты и характеристики суверенитета России. Значительным результатом является выделение особен-

ностей государственного суверенитета России на современном этапе. Элементами научной новизны обладают также выделяемые тенденции развития основ государственного суверенитета.

Вместе с тем отдельные положения рецензируемой монографии требуют уточнения и вызывают вопросы.

Так, во втором параграфе первой главы говорится, что принципы суверенитета практически не рассматривались в научной литературе, и указывается на важность их исследования. Не оспаривая понятия и классификацию принципов суверенитета, следует отметить недостаточную аргументацию их необходимости.

Рассматривая источник суверенитета, А.Л. Бредихин предлагает определять его сущность исходя из анализа различных теорий возникновения государства. Далее автор предлагает понятие источника суверенитета как волевых действий политически организованного субъекта, которые привели к образованию государства и правовому закреплению в соответствующем учредительном юридическом акте свойств суверенитета. По сути, дается определение конкретного источника суверенитета, без учета тех или иных теорий возникновения государства, в связи с чем необходимо пояснить: либо это универсальная категория, либо источников суверенитета может быть множество, в зависимости от тех или иных научных теорий.

Недостаточно изучены и осмыслены события, произошедшие после 2014 г., и научная литература последних лет по вопросам суверенитета.

Указанные замечания не влияют на общее благоприятное впечатление от монографии, А.Л. Бредихин демонстрирует хорошую осведомленность о происходящих мировых политических процессах и дает им оригинальную и обоснованную научную регламентацию.

Полагаю, что рецензируемая монография будет полезна как для ученых, исследующих проблематику государственного суверенитета, так и для учебного процесса – в качестве дополнительной литературы по историко-теоретическим и конституционно-правовым дисциплинам.

Список источников

1. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : монография / А.Л. Бредихин. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 128 с.

References

1. Bredikhin A.L. Sovereignty as a Political and Legal Phenomenon. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 128 p.

Информация об авторе

Байкеева Светлана Евгеньевна –
кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
истории государства и права
Санкт-Петербургского
университета МВД России

Information about the Author

Baykeeva Svetlana Evgenievna –
*Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Professor of the Chair
of History of State and Law, Saint
Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation*

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 04.08.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 04.08.2022.